
ЗАИЛИЙСКИЕ ТОРМОЖЕНИЯ

Основные нервные процессы - это возбуждение и торможение. И.П.Павлов различал внешнее (безусловное, пассивное) и внутреннее (условное, активное) торможение. Прежде всего И.П.Павлов определил как внешнее торможение то, которое возникает, когда в ЦНС появляется новая, посторонняя деятельность, тормозящая текущий процесс возбуждения. Запредельное торможение - это то торможение, которое появляется при действии сверхсильного раздражителя или при одновременном действии не очень сильных в отдельности раздражителей.

В.А.Гиляровский "Психиатрия", Москва, Медгиз 1954г, стр.30.

Действующие лица

Ковалев Константин Павлович, он же:

- господин Ковалев;
- шеф;
- начальник;
- Костик.

- Зеленый вязанный хайратник с ушами, вскоре приобретший серый оттенок (В начале похода - бейсболка набекрень, со специальной дырочкой посередине), раскиданные во все стороны волосы, усы, густая борода, серьга в ухе... все свидетельствовало о его грозном начальственном происхождении и только добрые - добрые глаза говорили о его душевности и добродушии. Однако, несмотря на всю свою доброту и ласку, стремился к осуществлению давно подготовленной программы "а - ля Жириновский".

- Был способен часами орать: "Тормоза! Сачки! Нифига не идете! Глупые!

Тропинки не видите! Не думаете нифига!..."

- Жестокость свою часто демонстрировал на Лене:

- то душил ее полиэтиленом,
- то щупал пульс у нее путем сдавливания шеи руками;
- долбал и терзал ее несправедливыми обвинениями в том, что не видит она дороги.

- Также садистские наклонности его распространялись и на других членов команды:

- таскал с утра Макса в спальнике в реку, приговаривая: "В мокром спальнике голое тело нашли..." ;
- в последний день гнал народ по ущелью, используя принцип выживания: захочешь жить - догонишь.

- Был склонен к песнопениям. На протяжении всего похода не закрывал рта. В основном исполнял следующие арии:

- "Я - северный олень, рисовал тебя палкой на снегу";
- "Сколько лет, ты тихо скажешь, сколько зим, Мы все также непрерывно тормозим"(по песне Эдиты Пьехи);
- "От собачьей чумки чебурашкидохнут";
- Песни про Пучкина;
- Песни из репертуара Цоя.

- В питании по отношению к молочным рисовой и манной кашам страдал детсадовскими комплексами, зато любил сухой геркулес.

- В манере одеваться проявил изысканность: носил с собой весь поход галстук и тюбетейку, одевая их по торжественным случаям, однако причесываться за 13 дней похода не считал необходимым.

- В фотографировании был преследуем манией концептуализма: то выстраивал всех на трубе и заставлял махать руками, то рассаживал по другую сторону каменной стенки и вынуждал высовывать головы...

- Самая героическая личность похода, любил это демонстрировать. Например, однажды вырвал у Юли и Лены из рук рюкзаки, нацепил их все на себя и зашел на перевал.

- Блистал интеллектом, развивая различные теории:

- Теория о неусвоении взрослым организмом молока;
- Теория о подкаменных егерях;
- Теория торможения (совместно с Димой).

- Прилюдно доказал свою принадлежность к роду акынов, по полдня слагая на пару с Андреем сказания о саксаулах и ягеле.

- Коронная фраза: “ Так сказать... “

Сарычев Дмитрий Сергеевич.

- Очень яркая и разносторонняя личность, обладающая массой способностей, наклонностей и задатков.

- Является основоположником, автором и отцом теории торможения. Обладая математическим складом ума разработал формулу торможения, а также массу аксиом и постулатов.

- Проявил изобретательские способности - сконструировал хитроумный подсвечник.

- Износил за время похода свои кеды до неузнаваемости. Постоянно их штопал, но в конце от них остались только подошвы и шнурки.

- Из еды любил перловку.

- Не прочь был попеть: исполнял дуэтом с Костей "восьмиклассницу", а также принимал участие в сложении Акынской Песни.

- Писал на привалах стихи (см. ниже по тексту).

- Один-единственный из всех (кроме Маши) ходил со станковым рюкзаком, подвергая себя нечеловеческим мучениям. Позже поменялся с Андреем на анатомический рюкзак, но здесь его опять постигли неудачи - лямки у рюкзака отрывались одна за другой.

- Ночью был непрочь полакомиться сухим молоком.

- Обладал самым интересным в походе устройством пищеварительной системы: в отличие от остальных, курага до его желудка не доходила - половина застревала в зубах, половина размазывалась по стенкам пищевода.

- Коронная фраза: "Положите мне на глаз..."

Федоров Максим ..., он же:

- Макс;
- Добрый Макс;
- брат Андрея.

- Шапка-колокольчик, круглые очки и чумазая-чумазая физиономия - не спутать ни с кем на свете. Это наш Макс.

- Пожалуй, самая загадочная личность в походе. В основном молчал или изрекал что-нибудь эдакое...

- Очень гордился своим норильским происхождением.

- Свою нестандартность мышления проявил на переправе - первым запускал по воздуху свои вибры, потом шел сам.

- Был специалистом по фейерверкам: разжигая примус, разбрызгивал бензин по траве и на рукава, поджигал и с полыхающими рукавами не выпуская бутылку с бензином из рук начинал тушить траву. Трюк этот пользовался в массах успехом - народ приходил в ужас и в оцепенении наблюдал фокус до конца.

- На Кок-Булаке нашел книгу на немецком языке. Забрал ее себе, твердо заявив, что по прибытии в цивилизацию немедленно овладеет немецким и прочтет книгу от корки до корки.

мецким и прочтет книгу от корки до корки.

- Первые дни похода привыкал к горам, рюкзакам и туристам с большим трудом. Падал на дорогу и лежал бездыханным трупом, наводя на народ ужас. Но потом успокоился, "акклимался" и больше не выпендривался. Под конец так развеселился, что даже в шутку Косте на ногу бревно кинул. Костя хохотал долго.

Жерина Елена ... (отчество скрывает, как и возраст - иногда), она же:

- завхоз;
- Лена.

- Незаменимый, самый главный, самый важный человек похода. Свои обязанности завхоза исполняла очень душевно. Самоотверженно боролась за последний сахар и сухари, щедро раздавая сухое молоко, случившееся в конце похода в избытке.

- Отличалась мужеством и упорством.

- Подвергалась жестоким нападкам шефа, сносила их смиренно и мужественно.

- Во благо Народа под перевалом в ледяной воде самоотверженно мыла сухофрукты, каждый в отдельности.

- По мере запывления - загрязнения проводила мини-стирки, за что была высмеиваема тем же злодеем шефом.

- Постиранные носочки носила сушить исключительно на соседний хребет.

- Как завхоз внесла рацпредложение - брать в поход фотографии еды и бутылки с запахами.

Тилипенко Юлия Ивановна, она же:

- Ю;
- Юля;
- хроник-летописец;
- зам. медиков.

- В свободное время была не прочь заняться песнопением. Таким образом на дневках увеселяла народ (устраивая “палатники” и концерты под открытым небом).

- Собирала к чаю различные травы.

- Не была чужда вегетарианству.

- На пер. Кок-Булак выпендрилась при переводе с немецкого языка названия найденной книги.

- Как подруга и соратница герра Пудтчиндта активно распространяла о нем различные сказки и легенды, клят-

венно заверяя всех, что сама при этом присутствовала (могла сочинять часами).

- На дневке напала на Диму - воспользовавшись его лежащим положением и замешательством устроила в волосах клумбу - втыкала ему в голову цветы и поливала водой, чтобы быстрее приживались.

- Занималась фотоохотой на всякие травы и цветочки.

- Принципиально не пользовалась кружкой. Чай пила из полиэтиленовой чашки, предварительно ее облизав. Уверяла, что в чашку чаю входит больше.

- При расставании с группой возвращающихся в Алма-Ату, она торжественно приняла от Галины Петровны и Иринки медицинские обязанности и лично от Галины Петровны право вязать кол под палатку.

Галина Петровна Михайлова, она же:

- медик;
- тетя Галя.

- Выполняла свои медицинские обязанности с чувством, с толком, с расстановкой:

- Лечила всех от скуки облепиховой мазью,
- всем, кто надевал кеды, выдавала по таблетке (см. по тексту).

- Очень терпеливо и настойчиво уговаривала и заставляла тех, кто не хотел есть таблетки, применяла различные техники и приемы для достижения желаемого результата, например, Костю пугала тем, что все расскажет маме.

- Внесла неоценимый вклад в расторможение особо заторможенных: накопив золотого корня, сделала из него настойку, принятие которой способствовало ускорению в массах.

- За время похода сильно похудела, чем очень гордится и по сей день.

- Изобрела способ тепло спать: "Я буду спать вне спальника, одену кофту, сверху свитер, потом пуховик Димы и обернусь спальником. Мне будет тепло!"

- На протяжении похода козыряла своим высшим биологическим образованием - рассказывала названия всех травок, цветочков, кустарников; щелкала Диму по лбу цветочком, специально для этого предназначенным.

- Обладала самым большим, самым впечатляющим рюкзаком в походе.

Ирина Саган (ныне Саган-Федорова), она же:

- медик;
- Иринка.

- Очень мягкий, тихий, добрый человек.
- Раздавала всем витаминки до 7 наименований.
- На пер. Озерный устраивала массажный кабинет и на протяжении всего похода делала массаж всем желающим (в основном желал Андрей Федоров, что повлекло за собой весьма крутые последствия...).
- Пожалуй, самый чуткий и отзывчивый человек похода.
- Кормила Андрея 20-ю таблетками активированного угля (Почему помер? - Угля объелся. - А почему в синяках? - Есть не хотел 😊)

Федоров Андрей ...

- Связан братскими узами с Максом. Уроженец славного города Норильска.

- Отличительная черта - две серьги в ухе.

- Блистал на дневке сложением Акынской Песни про ягель и морошку, после чего по праву получил звание акына.

- На пер. Озерный подвергся нападению медиков (скормили 20 таблеток угля).

- На привале однажды впал в воспоминания о том, как на абитуре закупил 20 пачек гер-

кулеса по 500 руб. и питался им месяц на одной воде без сахара и молока.

- Невзначай подвернул ногу, решив участь похода (а также свою судьбу в дальнейшем...).

Сергей Делгер , он же:

- Сережа;
- дельтапланерист.

- Мужественный, скромный, улыбчивый.
- На протяжении всего похода очень бережно заботился о Маше:
 - переносил через реки;
 - помогал носить рюкзак;
 - нес специальную аптечку.
- Единственный в походе был подвержен пристрастию к никотину, хотя курил очень мало.
- При выходе из автобуса (в начале маршрута) за всех расплачивался (собранными заранее деньгами).
- Угощал с Машей народ неучтенным шоколадом.
- Ранее к горному туризму отношения не имел, был привлечен к нему Машей.

Мария Делгер , она же:

- Маша.

- Самый скромный и хрупкий человек в походе.
- Не принимала таблеток принципиально, лечилась своими особыми травками.
- На протяжении похода носила большую соломенную шляпу.
- В походе мыла голову, посрамив начальнические лекции о том , что чистота - враг туриста.
- Была первой из тёток нашей группы, которая взошла на первый наш категорийный перевал(Ак-Су Северный), при этом входила в лидирующую тройку(хрупкость оказалась обманчивой).

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ИЛИ ЭКО НАС УГОРАЗДИЛО!

Проживал как-то в славном городе Томске в универовской общаге великий турист горный, в народе уважаемый за крутость альпинистскую да душевный характер. А звали его Костик по фамилии Ковалев. Был у него брат Андрюша, известный своими взглядами анархическими да пацифистическими убеждениями. Задумали они однажды в горы сходить, а заодно и статус повысить. Организовали две единички по Заилийскому Алатау, маршруты составили да кинули клич в поисках желающих. На авантюру эту народу нашлось немало. Из турклуба вызвались Лена Жерина, Иринка Саган да Андрей Федоров, подбив в свою очередь родного братца Макса, проживающего и обучающегося в Красноярске. К команде этой примкнул Дима Сарычев, Костин знакомый, да из Омска Юля Тилипенко со своей мамой (Галина Петровна, мама Юлина, как-то насмотревшись фото с горами, замечтала горы живыми потрогать, воздухом тем подышать, так вот и домечталась...). Компанию эту дополнили Маша и Сергей, никому особо не знакомые, а просто в клуб зашедшие, инициативу проявившие. Но вот прошла зима, закончилась весна, наступило долгожданное лето. И пора бы уже о походе всерьез подумать, да финансы братьев Ковалевых заголосили вдруг романсы. День за днем великие дела откладывались и откладывались. И вот однажды Андрюша подал в отставку (не вынесла душа поэта позора мелочных обид...) и Костик принял на себя командование, возглавив всю толпу вопиющих и страждущих. С большим опозданием томичи отправились в Алма-Ату.

ЧАСТЬ О. ПОДГОТОВКА К ТОРМОЖЕНИЮ.

Глава 1. Путевые (непутёвые) страдания.

Утром понедельника - дня, как известно, тяжелого - компания наивных идиотов собралась в турклубе "Берендей", что находится на девятом этаже общаги №8, но это не важно. Важно то, что все получили первое представление о том, что такое долго (как тогда казалось) идти вверх с рюкзаком. Добравшись, оказалось, что вещей гораздо больше, чем можно втиснуть в рюкзаки. Во время запаковки то и дело раздавались крики - басовитые - начальника и жалобные - завхоза: "У кого есть еще место в рюкзаке?!" На что все остальные отвечали циничным наглым смехом.

Наконец стадо ишаков, раскачиваясь по синусоиде, потопало на вокзал. Особое впечатление производил Макс: его рюкзак был в два раза худее и в два раза длиннее хозяина.

Здесь особо следует упомянуть людей, давших импульс к названию похода, ибо с них все и началось: они протормозили нас проводить. Были это брат начальника и друг начальника. Не будем называть их недостойных имен.

А на вокзале в это время проводилась кампания под девизом "не пусти зайца в электричку". Кордон из работников вокзала стоял насмерть. Тогда "изобретательный" Костя купил билеты до Богашево - хотел сэкономить. В результате чего в электричке после Богашево нас штрафнули. На этом, правда, Костины изыскания не кончились: в Тайге он предложил купить один билет и сравнить его цифирки с билетами, насильственно приобретенными в электричке. Что бы это дало, он и сам не знал, но это не важно, главное - идея. Другая идея заключалась в том, чтобы забрать у проводников их голубые форменные рубашки и самим ходить проверять билеты, взявая при этом штрафы. Увидев очередную проводницу - контролершу, один из нас предложил "забрать, наконец, ее рубашку и ею воспользоваться", на что пошляк-начальник спросил: "Чем именно?"

Когда мы сели во вторую электричку, то тут же изничтожили запасенные на дорогу продукты. При этом старательно запоминали названия каждой предпоследней остановки, чтобы уверить возможных контролеров, что сели именно там и не успели купить билеты. Не понадобилось.

Станция Болотное: упорно искали по запаху туалеты и по журчанию - кран. Потом невдалеке прошел молодой человек в джинсах, исписанных вдоль и поперек маркером и с такой драной задницей, которая (тогда еще) Костиным шортам и не снилась. Решили, что это местный крутой панк. Потом он пришел знакомиться, и оказалось, что это некрутой томский. (Его звали Харольд, и это не панк, а толкиену-тый, причем довольно крутой - прим.ред.)

Под вечер сели в последнюю на нашем пути электричку; во время посадки Ира умудрилась наступить на жвачку и так обмотать ею ноги, что распутывать и отскребать ее пришлось до Новосибирска.

Глава 2. Город N-ск.

В N-ске нам предстояла ночевка и полудневка. Когда мы подошли к залу ожидания, оказалось, что пускают только по билетам. Косте было в лом их доставать, и он сказал: “Давайте мы сейчас вещи внесем, а потом покажем.” Добрая тетенька согласилась. И мы пошли - восемь человек со здоровенными рюкзаками плюс сумки в обеих руках плюс лыжные палки... Про билеты нас больше не спрашивали.

Спали разнообразно. Самые хитрые и быстрые нашли рядок кресел без подлокотников и устроились с комфортом (так сказать). Завхоз всю ночь спала на спине, вытянувшись под подлокотниками трех кресел, и повернуться на бок было невозможно. Поза спеленатой мумии. Наверное, из-за предчувствия, что в спальниках придется спать исключительно на боку, втянув живот и сократив ребра, у ней не возникло никаких неудобств от этого принудительного положения.

Начальник с утра побежал по родственникам, вернулся чуть ли не к поезду, и поэтому гонял нас по городу аршинными шагами с перебежками. Мы носились как электровеники в районе вокзала, сбивая с ног прохожих и легковые машины. Костя шел исключительно по проезжей части, справедливо полагая, что на таких скоростях по тротуару не ходят (не ездят?)

Мы суетливо покупали лапшу китайскую, ZUKO и тыквенную икру очень подозрительного вида. После объявления посадки Маша и Сергей вышли из зала ожидания первыми и долго потом метались по вокзалу в поисках нас, которые успели за это время занять места в вагоне и начать метаться в поисках их. Мы все-таки нашли друг друга.

Глава 3. Вагонные мучения.

Осмотр вагона показал следующие результаты: к ужасу и возмущению Андрея Федорова, не было кондиционеров; в одном из наших двух “купе” не открывалось окно; а между ними была зарешеченная дырка в стене, которая изображала радио (по словам Кости, прошедшего студенческую юность в поездах, в казахском поезде работающее радио - это гораздо хуже, чем неработающее).

Под нижней полкой на простыне лежали забытые кем-то яблоки. Мы их, естественно, съели. Долго препирались, кто пойдет их мыть. “Мальчиком на побегушках” стал начальник, после того как его пообещали всей компанией поцеловать (если не пойдет). Выбираясь из-за стола через завхоза - автора этой идеи - он злобно плюхался ей на колени и ехидно шипел: “Извиняюсь!”

Поедая яблоки, обсудили, какие червяки ядовитее - грибные или яблочные. Громче всех выступали братья Федоровы из Норильска, которые всю жизнь только и видели, что ягель да морошку. Попутно выяснилось, что Костя в Казахстане питался акынами и саксаулами.

Тут случилась ситуация, копирующая “Золотого тельца”, эпизод “Остап в поезде”: пришла какая-то тетенька, принесла копченую курицу и сказала, что дочь ее есть курицу расхотела, а выбрасывать жалко, ребята - студенты, выручайте, съешьте, пожалуйста. Ребята совсем не по-студенчески сконфузились, но съели.

Через некоторое время обнаружилось страшное: дверь в туалет не закрывается. Лена вернулась в купе и начала взывать к техническим способностям мужчин. Техспособности Кости остановились на уровне “Лена, хочешь, я тебе изнутри дверь подержу”. После таковского заявления бедная Лена пулей метнулась обратно и с неженской силой захлопнула дверь так, что та закрылась сама. Но наука сия далась

далеко не всем. Некоторые держали оборону вручную, поскольку пассажиры были какие-то странные: они ломились в закрытую дверь до тех пор, пока оттуда им не начинали популярно объяснять, откуда они произошли и куда им надо идти.

В вагоне тем временем становилось все душнее и жарче. Часам к пяти, истекая смертным потом, народ начал потихоньку разоблачаться. Тут-то и выплыли на свет знаменитые панковские шорты Кости.

После уничтожения газировки оказалось, что в вагоне нет воды. Разведя в кипятке зуку, получили, по классификации Димы, напиток “гуано”. Редкостное. На ближайшей стоянке добровольцы подхватили пустые бутылки и бросились за водой. На этот раз они, судя по всему, воду искали по запаху, ибо она отдавала сероводородом. Но она была холодная, и мы пили ее, глуша аромат зуко’й.

Уже стемнело и похолодало, а в вагоне стойко держалась температура духовки. Пассажиры высыпали на улицу подышать. Костя требовал, чтобы казахи из соседнего вагона подвинулись на рельсах. Проводник всех ругал за недисциплинированность и пугал, что поезд сейчас уйдет, а мы останемся.

Если вы думаете, что все недостатки вагона кончились, то это зря. Света там тоже практически не было. Отдельные товарищи попытались играть в карты, пользуясь, видимо, инфракрасным зрением, но скоро и оно им отказало. Пришлось ложиться спать. Начальник вел себя плохо, пинал и поднимал верхнюю полку, пытаясь прихлопнуть завхоза до того, как она уморит всех голодом, а после того, как ему это не удалось, прочитал ей на ночь лекцию о вреде чистки зубов и умывания в походных условиях. С этим напутствием мы и заснули.

Глава 4. На колесах третий день.

Пробуждение и первая половина дня прошли мирно и ничем не примечательно. Разве что в поезде начали появляться аборигены, которых Андрей очень боялся. [Из воспоминаний начальника: при пересечении границы между Россией и Казахстаном в поезде все круто меняется: из России выезжают чистые, оборудованные вагоны, а на границе они превращаются в старые, ржавые и загаженные, и все пассажиры превращаются в казахов.]

За окном однообразно плыли степи. Диме они сильно напоминали родные, хакасские. Дикие сибиряки упорно высматривали верблюдов, акынов и саксаулов, но почему-то не находили.

Тут опять случилось страшное: пришел проводник и спросил: “А где яблоки?” Последовало минутное замешательство, после которого Костя сказал честно, что мы их того, скушали - думали, ничьи. Проводник посопел носом и ушел, сказав: “Косяк на вас”.

Тут и обед наступил. Устроили переговоры по радио со вторым купе (т.е. крикнули в дырку: “Когда есть будем?”). В ответ последовало нечто невразумительное. Похоже, соседнее купе испытывало систему Поля Брэга. И вообще, всякий раз вопрос о принятии пищи вызывал совещания и дебаты, поскольку начальник решил, что он пока еще не он. Вот они, издержки демократии! Обидели Андрея тем, что до четырех никто так и не захотел обедать. Он повернулся к нам своим вторым лицом и заснул, созерцая подозрительные желтые капли на стенке... К шортам его привязали простыню.

...Это было масло. На третьей полке лежал рюкзак Димы, в нем-то и была предательская банка с самоотвинчивающейся крышкой. Масло пропитало и провоняло собой весь рюкзак, так что Диме впоследствии пришлось надевать его на голые плечи, и он весь умаслился (хоть на сковородку клади и жарь - и если мы будем го-

лодать....). Исследуя степень загаженности рюкзака, Дима уютно устроился в проходе, мешая аборигенам ходить. Оказалось, что наиболее тщательно пропитался набор, что ему было в общем-то полезно. А мы почти без масла остались.

После обеда у Кости появилась тяга к созерцанию. И он немедленно узрел где-то на горизонте среди облаков Джунгарские горы и не успокоился, пока их не увидели все.

У Димы же проснулась тяга к знаниям, и он занялся изучением казахского языка на базе остаточных школьных знаний Кости. Записывал слова в особую тетрадку и пытался выучить - наверное, думал, что будет разговаривать с чабанами. Записывал в основном названия еды.

За ней-то, родимой, и пошли наши делегаты на станционный рынок (в Уш-Тобе). Но увы, здесь не уважали нашу русскую валюту. Все же каким-то образом - наверное, украли - удалось им разжиться булкой хлеба и яблоками, очень похожими на проводнищие. Пошли отдавать их проводнику, и он был очень тронут, и сказал "Кушайте на здоровье", и "косяк" не взял.

А когда стемнело, Дима решил сдать экзамен местным казахским девочкам на знание их языка. Они очень смеялись.

В Алма-Ату мы должны были приехать в 3-4 часа утра (ночи?) Недолго нам пришлось спать в эту ночь - наручные куранты начальника пробили вовремя. Выплезя из поезда и дойдя до выхода из вокзала, Дима вспомнил, что забыл в поезде свою лыжную палку. Торможение началось.

А "отец яблоч" встречал нас темными безлюдными улицами и теплой ночью. Пока мы добрались до остановки нужного троллейбуса, рассвело, транспорт даже начал ходить. В троллейбусе нас негостеприимно встретила местная кондукторша - ограбила, обсчитала, взяв русскими тысячами - других не было. Троллейбус пер, окруженный со всех сторон красными киосками с надписью "Marlborough".

Дом, лестница, звонок в дверь. Что-то будет...

ЧАСТЬ 1.

ДЕЙСТВИЕ 1.

О том, как томичи приехали в Алма-Ату, как несли вахту в ванной комнате, как численностью своей и габаритами приводили местное население в ужас, как у шефа начал проявляться концептуализм, как стали набирать первую высоту, как намокли под дождем и как перед сном Дима рассказал историю.

18.07.96, Четверг.

Алма-Ата - оз. Малое Алма-Атинское.

Томичи приехали в Алма-Ату под покровом ночи, до утра оккупировали вокзал, приводя местное население своими рюкзаками то в тихий ужас, то в благоговейный трепет. И с первым автобусом группой в 8 человек осчастливили своим появлением маму Кости Ковалева, завалив все свободное пространство рюкзаками.

Взяв квартиру, осадили кухню, стерев с лица земли чан борща и пирог. По окончании бурной трапезы мама Кости внесла серьезное предложение - взять в дорогу еще чан борща: "Вдруг проголодаетесь, а готовить некогда! Баночку открыли и на здоровье!" Узнав, что будет тяжело нести все эти баночки, Людмила Петровна вызвалась сама донести суп до первого привала. А Костик твердил: "Вопрос закрыт, вопрос закрыт, вопрос закрыт..." Договорились на том, что оставляем подробный маршрут движения, где на месте стоянок мама уж подсуетится и доставит кастрюлю борща.

А тем временем, с момента появления в квартире, народ исправно нес в ванной комнате вахту, сменяя караул по мере скоростных возможностей заступившего.

Все смешалось в доме Ковалевых: мешки, пакеты, карабины, банки, кастрюли, веревки планомерно курсировали и дрейфовали по всей квартире через завхоза, завснара, шефа, медиков, просто любопытных, постепенно конденсируясь по рюкзакам. А пост в ванной то сдавался, то принимался снова.

Вышли в полдень. Своей численностью в 10 душ да габаритностью в 10 рюкзаков мы производили неизгладимое впечатление на здешних жителей. Дети бежали за нами вприпрыжку, показывая пальцем, заливаясь хохотом; бабушки на лавочках, завидя такое зрелище все как одна хватались за головы и охали; мужики стремились завязать деловой разговор: "И куда?"; женщины постарше - просто в ужасе, жалеют; девицы глазят, как на мамонтов...

Садимся в автобус, не проходит и пары минут, как мы уже - народное достояние, тема множества разговоров и споров пассажиров:

- Ой, а у меня муж по молодости да по глупости тоже ходил - и на Джамбулунгу, и на Паверест...

- Да что вы, вот дед сестры моей кузины...

Не обошлось и без детального обсуждения всем пассажирским коллективом нашего маршрута.

При выходе Сергей за всех платил. Костя:

- Ты, Серега, расплачивайся, расплачивайся, да в истерику не впадай.

Вышли на дорогу в горы. Рядом стоит шатер - казахи про-

дают шашлыки и всякую всячину. Мы попытались пройти мимо, но шашлычники засекли:

- Эй, туристы, купите что-нибудь, что угодно, в горах все сгодится, купите, не пожалеете, поздно потом будет, каяться станете, а нас уже нет, купите, а то в дороге не повезет, ногу сломаете, шею свернете...

У Сергея дрогнуло сердце - приобрел сниккерс и пачку сигарет.

Первая ходка, первые километры, первая мысль: зачем мне это надо?! Но, стиснув зубы, упорно разглядывая асфальт шли и шли... Нелегкая путь-дорога привела к трубе диаметром метра полтора, длиной - бесконечной. Костик замыслил концептуальный снимок: построил всех на трубе, командовал вскинуть руки, принять взлетающую позу и запечатлел это дело для истории.

Трубу эту, если верить шефу, строили пленные японцы. По ней нам и предстояло подниматься на перевал. Вскинули языки на плечи и ринулись на

штурм набирать высоту. Длилось это безобразие около полутора часов. Наверху нас застал дождь. Сначала мелкий, а потом все сильнее, все мокрее. А товарищ Ковалев неожиданно взялся за давно забытое старое - начал разработку программы руководства группой "А-ля Жириновский":

- Вы у меня на перевал бегом побежите, идти всю ночь будете, есть два раза в день, нет, одного раза хватит...

Иринка приступила к раздаче витаминок. Их оказалось около пяти сортов. В итоге она запуталась и раздавала всем, кто попросит (а кое-кто воспользовался заминкой и слопал больше положенного).

Галина Петровна продемонстрировала свои биологические познания, показав фокус с цветочком, тут же сорванным: когда она щелкала им по лбу Диму, синяков у того не оставалось, а звук получался специфический, как при захлопывании двери. Народ тут же бросился на поиски таких чудо-цветочков, а потом исподтишка щелкал их об лоб соседа.

Дождь лил непрерывная. Мы укутались в полиэтилен и побрели по глинистой размокшей тропе вверх.

Когда силы начали нас покидать, а начальник становиться все деспотичнее, в один прекрасный момент из-за насыпи-дамбы появилось удивительнейшее озеро с прозрачной водой, именуемое Мало-Алма-Атинским. Здесь и был разбит наш красивый с зеленым клином шатер. Мокрые и холодные, бегали под ливнем, растягивали углы палатки. Неудачливый народ толпился под раскидистой сосной. А неподалеку стояли домики, из труб шел дымок. Там, видимо, топились печи и было в тех домах тепло. А нас трясло от холода и голода и никаких печек не предвиделось. Так и не дождавшись последних штрихов в устройстве быта, мокрые насквозь, мы приступили под сосенкой к переодеванию.

Когда палатка забила туристами до отказа, дождь неожиданно затих. Тогда, покинув убежище, мы принялись украшать местные сосенки, развешивая мокрые пожитки.

Пока Костик с Галиной Петровной выполняли свой дежурный долг, стал опять накрапывать дождик, порадовав нас замечательной двойной радугой, начинающейся прямо из примуса.

Ужинали в палатке. У шефа проявился детсадовский комплекс перед молочной кашей, им же приготовленной.

Когда дело подошло ко сну и все расположились по спальникам, Дима вдруг пожелал рассказать историю. Энтузиазма и поддержки им не было получено, как ни старался он уверить, что история жутко интересная. Но тут на его счастье оказалось, что гитару забыли на улице под дождем. Дима вызвался сбегать за ней, но с условием, что наградой за подвиг он все-таки расскажет историю. Возражений не возникло. Что это была за история - уже не вспомнить, но все были довольны: Дима - что все-таки поведал ее, остальные - что не пришлось никому идти на улицу за гитарой. Ночью случилась жара. Некоторые даже покинули спальники, замерзнув, однако, под утро.

ДЕЙСТВИЕ 2.

О том, как мы повстречали первые эдельвейсы, как Макс переходил реку, как за обедом у завхоза кланчили сухари, как покорили первый перевал, по поводу чего шеф напялил галстук, как познакомились с алма-атинцами и как Андрей повернул ногу.

19.07.96 Пятница.

Оз. Малое Алма-Атинское - пер. Озерный (н/к).

Сладкую утреннюю дрему разбил в пух и прах истерический вопль шефа:

- Всем встать! Из палатки с поднятыми руками по одному марш!

После первого вчерашнего трудового дня выползать куда-то из спальника было откровенно говоря влом, но Костик был неумолим.

Позавтракали, собрались и по утреннему холоду двинулись на новые подвиги.

Удивительной на вкус оказалась вода в ручье.

Иринка: - Костя, попробуй обалденную воду!

Костя, попробовав: - Обалдел!

Галина Петровна от случая к случаю козыряла названиями травок. Драгоценный медик неустанно выдавал витаминки.

Повстречали первые эдельвейсы, на дороге, хиленькие, незаметные. Начальник счел своим долгом ознакомить народ с сей достопримечательностью, передав цветок по кругу, приговаривая: "Эдельвейсы под ногами не растут, чтоб дойти до эдельвейсов нужен труд".

Когда подошли к реке, пошел слепой дождь. Переправившись на другой берег, все стали ждать Макса. Так получилось, что раньше он никогда не ходил вброд и теперь с другого берега, стараясь перекрыть гул бурлящей воды, мы принялись объяснять Максиму все тонкости мероприятия: "Снимай носки, одевай кеды, закатывай штаны..."

Тем временем к реке со стороны Макса подошли двое навороченных туристов крайне пижонистого вида (легкая, непринужденная походка, белые носочки, на шее атласный шарфик, в перчатках, покуривая сигаретки). Ну, думаем, сейчас эти покажут Максусу высший пилотаж.

А добрый друг по имени Макс не внимал нашим воплям и размахиваниям рук, пожимал плечами. Пришлось в своих объяснениях переходить на жесты. Крутые туристы перехо-

дить реку не собирались: сели, сняли белые носочки и, разминая розовые пальчики на ногах, жмурясь на солнце, приступили к просмотру шоу, устраиваемое Максом. Последний наконец-то нам внял, одел кеды, а вибры свои несчастные принял по очереди перекидывать на другой берег. Нам оставалось их только ловить.

Пока те двое аристократов переходили босиком (!) реку, покачиваясь, подпрыгивая с криками “Ах, мама!”, Костик за перенесенный стресс выдал всем по кураге.

Познакомились с этой парочкой - из Алма-Аты - просто прогуливаются.

Шеф повел нас на н/к перевал. Погода буйствовала: то дождь, то солнце, то опять дождь... Прошли 2 ходки и встали на обед. Суп варили из сухой картошки, порезанной кругляшками и капусты, засушенной листьями (на вкус после приготовления похожей на резиновые подошвы).

Дождь полил без перерыва. Ели под полиэтиленом. В массах возникли разногласия о дозировке сухарей на страждущую душу. Лена-завхоз отбивалась руками и ногами, сохраняя дневную норму, не позволяя ее превышать. А мы, совсем замерзшие и оголодавшие, просили, требовали, умоляли, грозили расправой... и что только не выдумывали:

- За добавку - сверх 3 сухаря!
- В долг под проценты, в Алма-Ате все обязательно верну!
- Во рту горько, противно, заесть нечем...
- А я с голоду опухаю!

Тут Галина Петровна как дежурная придумала коварный маневр: в котелке оставался суп, а добавку никто не просил. Тогда она бросила клич: “Кто берет добавку, тому спец-порция сухарей сверху”. Повелся Дима. Наложили ему добавки... сухарей нет. Он помедлил и обратил просящий взор к завхозу. А та пожала плечами:

- Галина Петровна - дежурная, она отвечает за раздачу добавки, а я - завхоз - храню сухари и тебе ничего не обещала и не дам.

- Накололи - опечалился Дима и принялся хлебать суп, тщательно пережевывая капустные подошвы.

К чаю пустили по кругу торпеду с сахаром. Установленную норму - столовую ложку - все старались превысить любым путем: у кого рука дрогнет, кто вдруг “случайно” отвлечется, а кого сосед подтолкнул (даже если рядом никого). А в то время народ внимательно наблюдал и фиксировал - кто сколько лишнего пересыпал - и тут же докладывал завхозу. Лена ругалась, налагала на пересыпавших штрафы в ложках сахара за ужином, а Костя приговаривал: “У завхоза никаких человеческих чувств не должно быть.”

Чай имел оригинальный пахучий привкус. На гордое замечание шефа о том, что чай с зизифорой Сергей осторожно поинтересовался:

- Это не мочегонное? А то я что-то кашляю...

Шел дождь. Дима предсказал просветление. Теперь все его ожидали под полиэтиленом. Костик неожиданно икнул и потребовал Ю-хроника срочно занести это в летопись.

Галина Петровна между делом помыла котел, чем Костя остался недоволен: "Зачем вы его помыли? Нынче дождливо!"

Стали обсуждать предстоящую в ближайшем будущем переправу: путь наш преграждала страшная река, которую нужно было непременно перейти (Юго-Западный Талгар - прим. ред). Вариантов было много:

1. Привязать Косте камни на шею и к ногам - чтоб не снесло.
2. Набить Косте рюкзак камнями - если снесет - рюкзак не жалко - настоящее содержимое рюкзака цело. Так вот и обмануть реку, ждущую жертв.
3. Пускать одного Костю через реку на веревке, снесет - вытащить и снова запустить, и так раз 5-10, пока не доберется.

Дима подвел итог:

- Если вы утонете и ко дну прилипните, Полежите день-другой, а потом привыкните.

От скуки Галина Петровна принялась всех лечить облепиховой пенкой. Сначала Макса, потом Костю. Шеф отчаянно сопротивлялся, приводя аргументы, что, мол и цвет у пенки слишком неестественный, и запах плох...

Тем временем Дима заметил движение по ту сторону холма и отправился на контакт. Взойдя на холм он увидел на месте, где полчаса назад и собака не валялась, целый палаточный городок - десяток маленьких, "колокольчиков", и одну большую - шатер. "Наверное, там начальство" - догадался он и двинулся под струями дождя к шатру. У входа, под полиэтиленом, двое парней возились у примусов. Один нарезал тонкими ломтиками сыр, контролируя их толщину линейкой. "Ну и зверь у них завхоз" - подумал Дима - "хуже нашего". Затем он покашлял и поздоровался. В ответ - бормотание под нос, нечто среднее между "здрасьте" и "иди к черту". На вопрос, откуда они, те ответили, что "сами - алмаатинцы, а эти (жест в сторону палаток и злобный оскал) - французы, мать их". Дима посочувствовал, попрощался и пожелал удачи, на что те, немного смягчившись, также пожелали удачи и принялись с еще большим остервенением строгать сыр. Проходя мимо палатки, из которой высунулся человек, Дима поздоровался, на что человек поморщился и сказал что-то невнятное, показывая на серые тучи. "Француз, мать его" - подумал Дима и вернулся к стоянке.

Начальник для поддержания духа выдал по кураге. Дима пожаловался:

- Мало же по одной штучке-то! У меня вот половина в зубах застряла, половина по стенкам пищевода налипла, а до желудка ничего не дошло!

Дождь слегка стих - из последних сил рванули за Костиком вперед. Из сил выбивались то один, то другой. Сначала, по окончании одной ходки, самая последняя дошла Галина Петровна. Дошла и упала на бок. Полежала минут 10 и стала выпол-

зять из-под рюкзака. Пришлось ее разгрузить - слишком больно было на это смотреть.

На отдыхе Костя ударился в воспоминания о своих компьютерных игрушках:

Tower - бегают товарищ, башня вращается, запрыгивает на полочки, от гадостей прячется...

Digger - ездит товарищ под ту-ту-ту-ту-ту-ту (воздушная кукуруза - прим. ред.) жрет алмазики, от злобных гадостей убегает.

На другом привале долго не было Макса. Наконец приполз, упал на землю и лежит без признаков жизни.

Ю: - Когда идем?

Костя: - через 5 минут.

Ю: - Думаешь, Макс за 5 минут успеет отойти?

Костик: - К богу? - Успеет, если уже не отошел.

Но Макс туда не отошел, вернулся к нам.

Ближе к вечеру поставили палатку. Дело было на пер. Озерном, высота 3507 метров над ур. моря, н/к, на границе Киргизии и Казахстана. По этому случаю шеф принарядился - нацепил галстук и тубетейку.

Маша и Сергей приготовили плов. Тем временем недалеко от нас появилась толпа. К ним навстречу выбежали шеф, Ю, Дима. Помогли им поставить палатки, познакомились, напросились попозже (после ужина) в гости.

За ужином Костя произнес торжественную речь о взятии первого (н/к) перевала, вручил по полшоколадки каждому, на что раздались недовольные возгласы:

- Надо давать шоколад через ходку! Не жалко!

Опять поднялся больной вопрос о сухарях. "А давайте их с чаем!!!" - с безумными круглыми глазами предложил Дима, а потом схватился за живот и трагично произнес: "У меня горняшка! Я есть хочу."

Усталость и измотанность сказывались в ужасных неловкостях: то там, то тут на спальник просыпали сухари, сахар, плов, проливали чай...

Ко всему прочему шеф благодушно позволил вскрыть сгущенку.

Андрей: - Ах, какой к нас колоритный ужин!

Дима: - Ну да, весь очень колоритный такой, колоритный!

Андрей: - А ты вот, Костя, калорийный мужчина, волосатый.

- А что это Юля не улыбается? - Горняшка!

- А что это Ира плохо ест? - Горняшка!

- А что это у Кости галстук? - Горняшка!

Пужинали и в составе пяти человек, Юля, Костя, Дима, Андрей и Лена, отправились в гости к соседям. Сидели допоздна, играли на гитаре. Народ был из Алма-Аты, несколько продвинут. (Это были последователи Сай-Бабы - прим. ред.) Терзал Юлькину гитару Петрович - весьма ожесточенно, от всей души пели - запевали три тетки. С каждым часом температура падала.

Тем временем Иринка в палатке устроила массажный салон. Всех изрядно помяла, потрепала, но недовольных не оказалось.

Возвращаясь по страшной темноте, Костя, Ю, Андрей, Дима и Лена переходили ручей, разлившийся метров на 10. Камни скользкие - постоянно наступали в воду, мокли, замерзали и ругались. А Андрей совершил роковой шаг, решив судьбу всего похода - он подвернул ногу.

При укладке по спальникам надевали на себя все, что возможно. У Андрея заболел живот, и его решили накормить активированным углем - 20 таблеток. Бедный Андрей упирался, не хотел...

- Почему помер?

- Таблеток наелся.

- А почему в синяках?

- Есть не хотел. ☺

Максу надо было что-то Fe-содержащее, решили накормить его железными пуговицами.

Всю ночь шел снег с дождем. Народу не хватало воздуха.

ДЕЙСТВИЕ 3.

О том, как в поведении шефа стали проявляться жириновские замашки, как перешли р.Юго-Западный Талгар, как у озера сделали полудневку и как до полночи возились туда-сюда по палатке.

20.07.96 Суббота.

Пер. Озерный (н/к) - оз. Джасылколь.

Позавтракали пшенкой. Стряхнули с палатки лед. Страшный холод, кругом снежная крупа, но небо чистое.

Шли долго по обледенелым цветам. Спускались по холму, а потом ждали мучительно остальных. Нас обогнали алма-атинцы. Чуть позже подошел мужик с лошадей и принялся стращать обильными снегопадами и полной непроходимостью перевалов. Мы наивно верили, печалились и в глубине души собирались назад, по домам. А Костик махнул рукой и сказал: "Как нибудь проползем!"

Снова шли по тропинке. По прошествии 40 минут Ю и Лена, идущие впереди, как и положено, присели отдохнуть на 10 минут. Но тут прискакал шеф, вскричав:

- Что встали?!!

- 40 минут... прошло... (тетеньки замялись, потупили взоры, сердца их наполнились страхом и трепетом). А Костик не унимался:

- Я даю команду: ходки по три с половиной часа!!!! (кроме шуток)

И все в ужасе поплелись дальше. Но минули 20 минут и из-за поворота показалась та страшная река - Юго-Западный Талгар, о переправе через которую велась речь вчера. (Прим.ред.: На самом деле, все было так: оторвавшихся теток догнал Дима и обрадовал их, сказав что ходка кончилась и те могут отдыхать. Сам же он предусмотрительно отдыхать не стал, а побежал дальше, оставив ничего не ведающих теток на растерзание шефу.)

Брод оказался весьма безболезнен - прошли без проблем, почти без трупов (шеф посредине припал на одно колено, и то, как утверждал после, сугубо по своей инициативе: шнурок развязался.)

Здесь же наши алма-атинцы встали на обед. Пока весь народ переходил реку, Костик и Дима устроили показательные выступления - скинули рюкзаки и бросились купаться.

Машу Сергей перенес на руках. А Макс опять-таки перекинул свои ботинки через реку (в лужу, где они сразу намокли.) Напрасно Костик перед переправой обещал, что, мол, бурная, страшная, погибнут все...

Небо постепенно затягивало тучами, но пока было жарко. До озера Джасылколь успели дойти до дождя. Удивительнейший цвет воды - ярко-синий.

На поляне уже стояли две группы из Москвы - единичка и двоечка. Контакт не осуществился.

Под солнышком успели поесть, поставить палатку и поваляться 1-2 часа. Ю сбегала на соседний перевал. А к вечеру пошел дождь.

Алма-Атинцы наши так и не пришли (должны были догнать нас и встать с нами.) Получилась полудневка. У Андрея болела подвернутая нога.

Делать было особо нечего - кто в палатке валялся, кто под Костиным руководством карты изучал. К москвичам была направлена делегация, куда входил наш Андрей с подвернутой ногой. Там ему сделали иглоукалывание.

На ужине дежурили Ю с Димой. Разводя примус Дима устроил пионерский костер, опалив себе волосы, а потом разлил полкотелка чая, за что ему чуть было не повыдергали руки.

За трапезой шеф вынес сахару приговор: не сахарный, после чего дал разре-

шение выдать по второй ложке. Тут же народ решил, что и сухари не очень сухаристые, но шеф эту идею не одобрил. Каша удалась весьма жидкая, изюму в ней наблюдалось в расчете 1 шт. на человека. Это повергло всех в печаль, а потом в ажиотаж - началась охота на изюм (тараканов - прим.ред.).

Юля, после долгого отсутствия в палатке, колдуя над чаем на улице, вопрошала у Макса:

- Что там внутри делается?

- Они тут все обделывают... (т.е. благоустраивают).

Костик блистал остроумием:

- Вот я - Костя, я лежу на костистой части.

Андрей: - Каждому Косте по костистой части!

Костя: - А вот ты, Лена, лежишь на ленной части.

Темнело. Галина Петровна придумала оригинальный способ теплой ночевки в тяжелых погодных условиях, годный, к сожалению, только для одного человека:

- Чтобы выспаться, я буду спать вне спальника. Одну кофту, сверху свитер, пуховик Димы и обернусь спальником. Мне будет тепло!

3116 метров над уровнем моря.

Дождь.

Возня в палатке не прекращалась. Кто в который раз перетаскивал свой спальник в другой угол, переползая при этом по уже лежащим, кто пытался нацепить на себя чужую пуховку, отбиваясь от ее хозяина, кто безуспешно искал выход, потому как приспичило...

Костя принялся развивать теорию о неусвоении взрослым организмом молока. Лена усомнилась:

- Вы простите-извините, но я белой мочи не видела!

Костя:

- Молоко может выходить и в твердом виде и через слезы и с потом. Вот я напился вашей молочной каши, теперь тусуюсь по палатке и, между прочим, если что, никуда не побегу, а буду прямо тут потакать своему организму и идти его пожеланиям навстречу.

Под покровом темноты народ стал приступать к сушке носков путем погружения их себе в штаны. У одного товарища сушилку заклинило - не открывалась ширинка. Добрый сосед решил помочь - посветил фонариком туда, где штаны были расстегнуты уже наполовину. Добродетеля осталось сердечно благодарить.

Иринка делала Андрею на ногу массаж. А так как это происходило на Костином месте, то последний занимал место, предназначенное для головы Юли. Та была категорически против такого положения дел, старательно вытесняя со своей территории шефа (головой?-прим. пом. ред.) Он, однако, позиций не сдавал, упирался и держал оборону стойко, изредка намекая, что у этого спальника красный цвет, поэтому крови видно не будет. В итоге получилась небольшая свалка, рассосавшаяся после массажа Андрея.

Реплики из темноты:

- Это чья тут куча?! Кто тут наложил?!
- Почему я такая толстая?
- Только на живот не вставляйте!

...

Припомнили, как в Джунгарии Костя изрек спросонок: "Я не палатка, я спальник." Шеф принялся обсасывать детали:

- Если я спальник, значит, залазить надо через рот.

Дима: - Ногами вперед.

К.: - Нет, головой!

Макс: - А можно сначала носки грязные закинуть посушить.

Тут Костя попытался залезть в свой спальник, на что ему заметили: "Ты куда?! Зачем спальник в спальник запихивать?" Костя обиделся: "Хорош спальник - сам идет и рюкзак несет."

Вот уже третий день в массах пользуются особой популярностью два транквилизатора:

- апизатрон(чик) - на змеином яде,
- траксивазин(чик) - на пчелином яде.

Спали хорошо.

ДЕЙСТВИЕ 4.

О том, как утром взойшли два солнца, как решили сделать дневку, как Костя пытался запечатлеть свою цинковую физиономию, как делали заброску, повстречали толпу буржуев, как слагали акынскую песнь и о том, как всю ночь Дима спал на булавке.

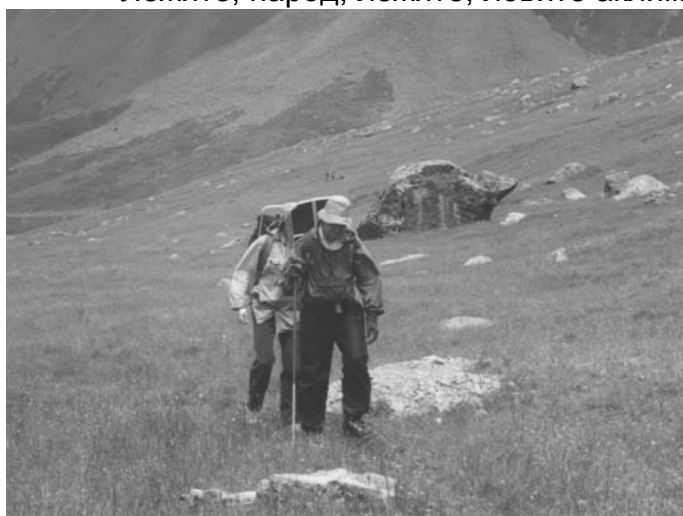
21.07.96 Воскресение.

Оз. Джасылколь.

Вышло два солнца... вместо одного. А точнее, одно вышло меж двух склонов, а второе - его точное столь-же яркое отражение - в озере. Это производило потрясающее впечатление. Дежурили Дима с Юлей.

У Андрея нога болела все также. Решили сделать дневку. Шеф сжалился:

- Лежите, народ, лежите, ловите аклимуху...

Если бы мудрое сие решение он принял до того, как палатка-шатер была снесена! Теперь водружать ее заново желающих не нашлось. Все расплзлись после завтрака по поляне и принялись от души матрасничать. Костя затыкнул: "Здравствуйте, девочки! Здравствуйте, мальчики!...". Допел и уже дуэтом с Димой исполнил "Восьмиклассницу".

Шеф, страхась загара, покрыл лицо цинковой мазью. То ли со скуки, то ли исходя из особо изощренной какой тактики, Сергей предложил сде-

лать заброску. Шеф собрал группу добровольцев (Дима и Сергей), подготовил самый тяжелый багаж и отправился с ним на место завтрашнего первого привала.

Из рассказа Кости после возвращения:

- На слиянии рек Восточный и Западный Аксу заметили (по пути назад - прим.ред.) несколько, так сказать, палаток. Народ типа Димы сказал: "Это французы, мать их." Мы подошли к палаткам. Я говорю: "Добрый день!" В ответ с легким прибалтийским акцентом: "Дъень доприй!" Вот мы спросили: "Откуда вы, так сказать?" В ответ - нечто нечленораздельное, так и не понял я. "Куда идете? Очевидно, перевал Акс-Су Северный?" - опять нечленораздельное. Надо заметить, их было человек 10-15, палаток уже 5 штук и шатер-столовая, так сказать. Палатки, надо заметить, исключительно буржуйские. Интересуюсь: "А что вы не выше встали? Время еще много, могли бы успеть." А они: "Не наша воля" - и злобно покосились в сторону центральной палатки, так сказать. Мы распрощались, вот. Тут же, недалеко, минутах в трех ходьбы, встречаем еще одного. Вид - замученный, помятый, одет по-буржуйски, со станковым рюкзаком. Мы: "День добрый!", так сказать. Он (с акцентом): "Дъень доприй." Вот. Потом я опять спросил: "Откуда, мол, вы?" Ответ нечленораздельный (видимо, говорил, проглатывая маты). Мы не разобрали. Успокоили его, сказав, что до стоянки три минуты. Он так обрадовался, поблагодарил и убежал. Минут через 10 встретили, так сказать, мужика. Вид весьма несовковский. И одежда уж явно несовковая, вот. Я ему: "Добрый день!" Мужик молчит, на лице полное отсутствие. Я опять: "Откуда ж вы?" - молчание. Я повторяю вопрос настойчивее (нервно поглаживая ледоруб). Он (озираясь по сторонам) на чистом английском: "I don't speak English! (я не

говору по английски)". Слышу английское произношение и пытаюсь с мужиком, так сказать, на английском изъясняться. А тот все твердит: "I don't speak English!" Контакта не вышло... мужик удрал. Дальше встретили 2-3 группы французов, мать их. Уступали им дорогу, на что они говорили: "Диен деобри!" - и, короче, вот, шли дальше. Все одеты по-буржуйски, лет от 25 до 40. А когда пропустили одного мужика, так сказать, у него сзади вместо ледоруба висел японский зонтик. Вот.

После возвращения Костя присел на камушек и изъявил желание себя увековечить на фото. Попросил посодействовать Андрея. Выдал ему свой аппарат, подробно проинструктировал, все, что полагается, взвел и застыл в добродетельной позе. Просидел 10 минут - ничего. Андрей все никак резкость навести не мог. Костя попытался помочь, но к аппарату допущен не был за ненужностью. И вновь пауза в 10 минут... и ничего. Шеф двинулся на разборки. Но опять Андрей отмахнулся - все мол готово. Пронесли 10 минут и... ничего. Терпение Кости иссякало, добродетель шла на убыль... Вскочил, выбил из рук фотоаппарат, заново все навел, показал кнопку, занял исходное положение, выдавил в объектив улыбку... улыбался 10 минут. Андрей тем временем успешно все сбил и теперь не мог назад настроить. Господин Ковалев в бешенстве подлетел, сделал все, что положено, в который раз показал кнопку и только после этого Андрей щелкнул.

До ледника герои наши дошли за два с половиной часа, разгрузились и прибежали назад за 1 час 50 минут. По дороге нашли мешок соли. На обед ели суп с грибами, пили чай.

Андрей одевает кеды. Галина Петровна (Андрею): "Я тебе сейчас дам таблетку." Лена: "Ой, я когда кеды надевала, мне тоже таблетку дали!"

По поляне то тут, то там раздаются всхлипы носом. Костя: "Сплошное сопливое стерео! (стерео)".

Поставили палатку, залегли внутри, соблюдая концепцию: ноги к колу, в центр, головы по кругу. Но воцарившаяся жара и духота выгнала всех на улицу. Особые лентяи выходить не захотели: высунули из палатки головы. Получился палаточный дракон о трех головах (Костя, Макс, Дима). Изредка их туловища внутри дрались. Ю сотворила на голове Димы экибану из цветов. Чтобы головы не усохли на солнце, Ю изредка их поливала ледяной водой. Головы от неожиданности вскрикивали, а голова Кости бредила: "На кепку, на кепку, не под кепку, а на кепку... у... ммм, у-у, м-м-м, на кепку..."

Лена Андрею:

- Убери свою заклеенную пластырем волосатую ногу!
- Нет. Она создает гармонию. А пластыри - дисгармонию.
- Тогда давай отдерем пластыри!

Проголодавшись, Костя принялся жевать дикий горный чеснок с солью. Андрей подключился. Ира:

- Ну как?

Андр.: - Гадость. Что вкусно, так это соль.

Костя: - Вот и ешь соль.

Андр.: - Я что, олень?

Костя: - Видимо... а кто еще олень? Давайте устроим гонки на оленях!

Приз - ягелевая водка.

Андр.: - Между прочим, чукчи живут на одном ягеле да морошке.

Костя: - На ягелевой морошке да на морошковом ягеле! Вот я, когда жил в пустыне, питался акынами да саксаулами.

А далее следовал неповторимый акынский народный эпос в исполнении Андрея и Кости, в конце попытался вступить Дима. К сожалению, полный текст воспроизвести не удалось - слишком быстро лилась их складная песнь, но отрывки удалось успеть записать на месте. Их здесь и привожу без доработок.

Я поеду за акыном
И еще за саксаулом,
Из него я супо буду
Делать вкусно, делать вкусно.
Позову я всех друзей,
Будем есть тот ужин вкусный,
А потом станцуем танец
Под названием “саксаул”.

• • • • •

□ □ □ □ □

.....

□ □ □ □ □

.....

• • • • •

31

соблазнять народ выйти на улицу. А все упираются: вдруг там нет никакой радуги? Вы нас заинтересуйте!

Макс: - Радуга четырехцветная!

Костя:- Это ты дальше четырех считать не научился!

Макс: - Радуга выходит из одного примуса, заходит в другой.

Костя:- Это обман твоего плохого зрения. Близорук, батенька!

Макс: - Ну, ну, ну... она такая прекрасная!

Костя:- Не-а, неинтригующе.

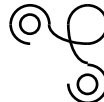
Андр.: - А почему у палатки зеленый клин?

Костя:- Чтобы ты спросил. Все, теперь можно выпаривать!

Андр.: - Что-то я глаза посолил... (протирает)

Ира: - Твои соленые глаза совсем сведут меня с ума.

Ужин был ну очень(!) вкусный. По требованию шефа и одобрению народа была объявлена благодарность с занесением в летопись.

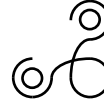
БЛАГОДАРНОСТЬ

Объявляется благодарность

гражданке *Елене Жериной* и
гражданину *Максу Федорову*

за проявленную фантазию, умение и
душевность в процессе дежурства.

Почет Вам и уважение!

Пока все ели, Лена и Макс готовили компот. Когда же дежурные приступили к еде гречки, Костя проявил себя как отъявленный садист: Лена черпает ложку гречки - Костя считает, Лена жует - Костя считает, Лена глотает - Костя подводит итог... Лена так есть не может - смеется, почти давится, очень страдает. Андрей к Костиным грязным издевательствам с радостью присоединился. Дело кончилось все-таки без трупов (вопрос - чьих? -прим. Жертвы).

Рядом поставили палатку какие-то дети. Постоянно шуршали-бегали вокруг нас (пугали). Костя: "Дети - кактусы смерти." (см.: Дети - цветы жизни - прим.ред.)

Ближе к вечеру устроили палатник (аналог "квартирника"). Все легли по порядку ногами вперед, а Юля давала на полчаса сольный концерт под гитару.

Когда совсем стемнело, народ зашевелился. Пора бы, мол, и по спальникам. Тормозили полтора часа, полтора часа готовились ко сну. Здесь и пришли к окончательному нашему диагнозу:

ТОРМОЗА.

И чем только не занимались: расправляли спальники, перетаскивали рюкзаки, делали массаж, хрустели таблетками, укладывали подушки, прощались друг с другом перед сном, укомплектовывались по спальникам. Фразы в темноте:

- Уйди с моей головы!

- Это чьи волосы?

- Кто у меня на носу стоит?!

В красном спальнике был объявлен конкурс на его прославление. На рассмотрение были предложены два стиха "собственного сочинения":

Как залезешь в спальник - береги его.

Он ведь с нашим знаменем цвета одного.

И еще: Учись и работай, участвуй в борьбе

И красный спальник доверят тебе.

Лена неудачно ложится в спальник, разложенный вдоль голов Ю, Димы и Галины Петровны - то на волосы наступит, то ногой, то коленкой пнет... извиняется - извиняется и опять толкает, пинает, наступает... Юля:

- Надо придумать нам заслон: доска с торчащими гвоздями!

Кто-то из темноты:- Ага, гвоздями внутрь, в головы.

Добрый Макс уронил на место Димы расстегнутую булавку. Найти ее не удалось. Белый спальник съехидничал: всю ночь из красного спальника будут доноситься вскрики. Но несмотря на опасность, в дальнейшем Дима спал очень крепко, храпел громко. Ю прикрывала ему лицо кофтой, но он откидывал преграду и храпел еще громче.

Костя внес предложение: так как некоторые тормозят, надо либо выписать им анти тормозин (а такого нет), либо остальным дать тормозин - пурген. Будем идти, а мимо группы одна за другой проносятся. Подходим под перевал, а тут уже зима, снег. Спускаемая - весна, идем - лето.

Всю ночь Дима сверлил головой дырку в спине Лены. А в красном спальнике уже которую ночь происходят странные вещи. Из воспоминаний представителя красного спальника: Ложимся вечером - места много, все на спинах лежат. Просыпаемся, а спальник мал - еле помещаемся на боках. А в другую ночь вечером погружаемся по уши, а с утра еле-еле плечи прикрывает. И так постоянно.

В темноте шеф решил навести порядок в палатке и, ругаясь, что повсюду раскиданы ботинки, схватил один и зашвырнул в другой конец... в кого-то попал.

А Макс перед сном долго неприкаянно слонялся из угла в угол и вопрошал: "Ну где можно ноги протянуть?!"

ДЕЙСТВИЕ 5.

О том, как шеф предложил устроить ему вознесение, как решали - идти ли на ледник, как кемеровчане устраивали показательные выступления, как Дима разработал теорию торможения, о том, как всю ночь вокруг палатки кто-то бродил и кидал камни.

22.07.96 Понедельник.

Оз. Джасылколь - лед. Аксу Восточный.

Утром шеф предложил устроить ему (Максу) вознесение на перевал. Желающих не нашлось. Завтрак готовился полтора часа и еще час мы кушали. Дети давным-давно ушли. Народ из Кемерово только пробуждался.

Вышли в 9 часов. Тяжесть пеших переходов и горняшка твердости нашего духа не поколебали и силы воли не сломили. Шли два с половиной часа, две ходки. Встали под ледником. Отыры заброску. Недалече впереди показались гордые могучие спины детей, поднимающихся на ледник. И хотелось нам бежать следом, да тучи подозрительно стали сгущаться, небо затягиваться. Идти или остаться? Никак не

могли решиться. Костик стал кидать монетку: если Аль-Фараби - Астаемся, если Орел - Отправляемся... выпал Аль-Фараби.

Ввиду близости ледника температура воздуха не баловала, дул ветер. С местом под палатку повезло - как раз под нашу "Зиму" была выстроена оградка из булыжников. Рядом еще две площадки под небольшие палатки, которые заняли спустя два часа кемеровчане.

Высота 3500 метров над уровнем моря.

Андрей изрек: "Если нне-е то-о-о-ормо-о-озить - то-о-оо что-оо за-а по-охо-о-о-оддд?"

Обед в исполнении Макса и Лены был опять неотразим. Костя махнул рукой на перевал: "Там!" Ю (должна была сбегать на перевал, вернуться, спросить): "Что?" Костя: "Где?"

Кемеровчане после обеда очень бодро, гордо и со знанием дела полтора часа одевали системы, защелкивали каркбины, вешали жумары, вязали узлы, выпускали усы... Ну, думаем, сейчас будут показательные выступления, высший класс, а эти герои построились по росту, пересчитались, потоптались по стоянке 10-15 минут и приступили к раздеванию - развязке узлов, маркировке веревок...

А мы от скуки расползлись кто куда: Макс закопался в одежду и сидел изваянием на камне, Ю с Леной терзали гитару, Маша с Сергеем побрели на перевал, Костя схватил ледоруб и куда-то убежал (А сбегал он на ледник Ак-Су С. чтобы оценить количество снега: в реальности его оказалось не так много, как стращали. - прим. ред.). Остальные валялись в палатке.

Как завхоз Лена внесла новое интересное предложение: брать с собой фотографии еды и бутылки с запахами. Накладываешь всем каши(или не накладываешь), раздаешь фото и запах к нему - кушайте, поправляйтесь.

Со стороны перевала подошла детская группа из Ноябрьска: 14 человек, из них десятков мальчиков, пара руководителей. Поговорили о том, о сем и на прощанье

они спели свою удивительную песню “О, Али - Али...” на чукотские мотивы с арабскими словами. Удивительные дети - очень организованные, веселые и дружелюбные.

На этой стоянке Костя нашел куриный вегетарианский бульон, в состав которого входило все, кроме куриного мяса. На радостях шеф распелся:

Я седой якут,
Ноздри рыскают -
Запах оленя...

Андрей ударился в воспоминания о безолбачном абитуриентстве, когда он скупал по 500 рублей 20 пачек геркулеса и ел его с одной водой, на что Костя заметил, что сам он геркулес ест исключительно сухим.

За ужином Макс схватил мешок с сухарями и, пользуясь всеобщим шоковым замешательством, стал быстро набивать карманы. Лена выхватила сухари и завязала мешок фигой. Голодный Макс не унимается, сыплет сахар.

Лена: - Сыпь меньше!

Макс: - Я раньше половину дозы сыпал, теперь досыпаю.

Лена: - Эмма Петровна, это же сладкий сахар, хватит и половины дозы!

Закончив кушать, Костик заявил:

- Пойду выделять изюм. Дайте-ка мешочек.

- А не тараканов?

- Могу и тараканов. Только нужен сепаратор, чтобы разделять.

Стали укладываться. Места катастрофически не хватало. Дима предложил оставлять ноги у входа, или можно на улице.

Пока укладывались спать, Дима разработал теорию торможения, которая приводится ниже без изменений.

О	Т	Т	О	Т	Т	О	Т	Т
б	е	о	р	о	у	т	о	е
щ	о	р	г	м	р	я	р	н
а	р	м	а	с	и	г	м	д
я	и	о	н	к	с	о	о	е
	я	ж	и	и	т	щ	з	н
		е	з	х	о	е	н	ц
		н	м		в	н	о	и
		и	о			н	й	е
		я	в			ы		й
						х		

Единица торможения 1Куф (1Quf) (по имени Куфарева Бориса Павловича) - максимальная величина напряжения тормозного поля.

Постулат 1. Тормозная волна распространяется во всех направлениях со скоростью смеха.

Постулат 2. Тормозная волна есть возмущение тормозного поля.

Гипотеза 1. Скорость торможения прямо зависит от количества “ха-ха” в час.

Гипотеза 2. Мощность множества тормознутых приколов = континуум.

Основная теорема тормознутости:

Торможение подчиняется релятивистским законам и имеет супремум = 1Quf

Формула торможения:

где **T** - тормознутость,

U - величина тормозного поля,

1Quf - основная константа.

$$U_t = \frac{1}{\sqrt{1 - \frac{T^2}{1Quf}}}$$

Исходя из теории было предложено все вещи называть своими именами: тор-мазь, тормо-зеркало, тормо-вибры, тормо-карабин...

Решили лечь спать в 8 часов, чтобы встать в 4 утра. Уложились к 9, уснули в 10. Опять хохотали до потери пульса (обсуждали теорию торможения).

Так как легли засветло, то и фразы звучали такие:

- Выключите свет!

- Закройте шторы!

Дима завязал глаза и уши пластичным бинтом. Лежит и спрашивает:

- Когда на боку лежишь, куда руки удобно складывать?

Ю начинает показывать. Дима:

- Не вижу ничего!

Ю пытается объяснить... Дима:

- Не слышу ничего!

Всю ночь кто-то бродил у палатки в вибрах, кидал камни.

ДЕЙСТВИЕ 6.

О том, как дежурные встали в 4 утра, взяли первый настоящий перевал, как ели на ужин плов с грибами, как проводили опросы и о том, как все вечером почему-то быстро уснули.

23.07.96 Вторник.

Лед. Аксу Восточный - р. Чонг-Ак-Суу.

Дежурные покинули спальник в 4 утра, но как и положено по тормозному графику, к завтраку мы приступили в 6, управились к 7.30... Кемеровчане давным-давно пересекали по леднику, почему-то все в системах, в связках со всем снаряжением.

В 9.30 перевал Ак-су Северный был взят. Высота 4052 метра над ур. моря, категория 1А*, первый настоящий перевал. Добрый шеф всем выдал по шоколадке. Костик с Сергеем сходили на ближайшую вершину - 4192 метра.

Через перевал на расстоянии 10-20 см от поверхности перелетел воробей, чирикнул на радостях и стал кувыркаться в воздухе. Видимо, в прошлой жизни был горным туристом.

В туре записки не обнаружили, но сверху была воздвигнута чугунная плита в честь 50-летия чего-то в Киргизии.

По дороге вниз повстречали удивительные растения кактусы-огурцы, сверху колючие, внутри вкусные.

Было решено идти на озеро Иссык-Куль, чтобы там разделиться на две группы - больных и здоровых.

Нас обогнала корова и 2-3 км бежала по тропинке впереди, иногда останавливаясь и оглядываясь. Ходки делали короткие - по 20 минут. Спустя час мы ступили на территории чабанов, появились юрты, лошади и... грибы. Грибы росли повсюду и везде. Костя пытался съесть гриб сырым, но Галина Петровна напустила грозный вид и решительно "не порекомендовала"

кушать эту "поганку". Хотя гриб этот Костя съел потом.

Миновали очередных чабанов и в 19.00 встали за поворотом на ужин. Дежурство пошло по второму кругу. Костя с Галиной Петровной творили плов с грибами. Нас опять посетила расслабуха. Ира вытащила из рюкзака коврик, Лена что-то искала, выкидывая вещи одну за другой. Галина Петровна самозабвенно вязала кол для палатки. Сергей распутывал шнурки на кроссовках. Макс давил траву, наблюдал за шевелениями на поляне. Андрей, лежа на коврике, изучал небо (может, спал). Дима весьма удрученно морщил лоб, о чем-то сосредоточенно размышлял, сидя на мотке веревки. Маша чистила грибы. Костя разжигал примуса. Ю писала мемуары.

Когда плов был готов, Костя упомянул известного в особых кругах Пучкина, славящегося своей искусностью в приготовлении плова. Алексей свет Васильевич, кстати, славился очень многим, поэтому в ходе похода его имя упоминалось часто, благоговейно, трепетно и умирительно.

После каш и бурды плов с настоящими грибами был просто сказкой. За чаем Костя провел опрос: кто как ест витаминки?

Макс: берет в руку витаминки, рука рефлекторно поднимается ко рту, импульс поступает в мозг, челюсти начинают жевать.

Сергей: сосет, потом проглатывает.

Юля: сосет до конца некоторые вкусные виды, остальные жует.

Галина Петровна: быстро все жует и быстро глотает.

Лена: все варианты, кроме глотания сразу.

Андрей: в зависимости от дня недели.

Понедельн. - выходной - в жидком виде (внутривенно).

Вторник - период жевания.

Среда - период глотания.

Четверг - выходной.

Пятница - обсасывание, серединки выплевывает.

Суббота - период жевания с обсасыванием с последующим глотанием.

Воскресение - выходной.

Ира: может и так и сяк и разэтак и растак.

Маша: кислые - жует, сладкие - сосет.

Дима: сначала глотает, потом жует, потом сосет.

Костя: сосет до конца все сразу.

После тщательного облизывания банки из-под сгущенки был проведен еще один опрос: как ешь сгущенку?

Макс: сначала сразу всю ложку, потом по частям, запивая чаем (съел кусок сгущенки - запил).

Сергей: всяко-разно лишь бы съесть (а вообще не люблю в сыром виде).

Юля: маленькой ложкой зачерпну, растягиваю, пока банка полкруга не пройдет, потом влезаю, зачерпываю жду, пока до меня не дойдет. Получается две ложки за один круг.

Г.П.: люблю очень! Ем сразу и побыстрей.

Лена: кусок батона, сверху сгущенкой и кружочки банана.

Андр.: заглатываю ложку в два приема.

Ира: иногда в чай, иногда ложками.

Маша: ем так, чтобы все время было сладко.

Дима: чтобы избежать потерь, ем все сразу (а то с ложки еще 3 ложки накапать может!)

Костя: зачерпываю в ложку, подношу ко рту, тем временем пара капель падает в кружку и убивается два зайца: пью чай с молоком и ем сгущенку.

Очень быстро улеглись и уснули (как ни странно). Перед сном Костя всех пугал злодеями-чабанами, которые, как ночь настанет, так сразу прибегают к нам с карамультаками, выгонят из палатки и будут разборки устраивать.

Спали спокойно.

ДЕЙСТВИЕ 7.

О том, как нас пожалела чабанка, как Дима отдыхал в ручье, как за Юлей гонялся пень, как Костик упал с трехметровой скалки в шиповник и о том, как мы окончательно разделились.

24.07.96 Среда.

Р. Чонг-Ак-Суу - Киргизский национальный парк (Григорьевское ущелье).

Костя с Галиной Петровной приготовили гречку. Поели, собрались немного быстрее обычного. Возможно, для некоторых сказывалась близость завершения похода.

Шли вдоль реки Чонг-Ак-Суу вниз по долине. Обогнали единичку москвичей. Те особо никуда не торопились, в полный рост матрасничали. Шеф поболтал с ними о том и о сем.

Проходили мимо женщины-киргизки. Все по очереди с ней здоровались, она качала головой, сочувствовала, жалела. Но жалость ее достигла предела, когда показалась Галина Петровна. Всплеснув руками, чабанка воскликнула:

- А сколько ж вам лет?!

Галина Петровна скромно ответила, на что вопрошающая пришла в ужас:

- О!!! И вы еще ходите?!

Грибы росли всюду, и не было сил проходить мимо.

Перешагивали через ручей. А Дима упал, причем очень странно, весьма загадочно - как бы прилег отдохнуть между двух больших камней, но почему-то посередине ручья. Упал и лежит. Подошла Галина Петровна. Стоит, смотрит и не знает, как помочь. Из воспоминаний Ю, следом подошедшей:

- Иду. Смотрю - Дима лежит в воде меж двух камней. Рядом мама стоит. Думаю - устал, прилег, но почему в воде? Жарко, видать. Загородил, однако, своим телом тропу - не обойти, не перепрыгнуть. Стою. Жду. А он лежит так спокойненько, молчит. Смотрю - перчатка поплыла, а он и не думает ловить. Я ее остановила палкой, думаю - сейчас подберет... нет, не нужна, видимо. И тут поняла! - не может встать.

Галина Петровна и Ю после продолжительных раздумий Диму из камней все-таки выцарапали.

Наш путь преградили коровы и не желали никого пропускать. Тогда Сергей проявил героизм - первым пошел в атаку, при этом громко лая. Гавкал он так отменно, что буренки перепугались и дали деру.

На развилке между дорогой на Иссык-Куль и нашей, намеченной по маршруту, встретили мальчика-киргиза с виду лет 10-12, на лошади. Галина Петровна:

- Здравствуй!

Мальчик что-то пробормотал и заулыбался:

- Вы откуда?

- Из Томска. А ты здесь все время живешь?

- Да.

- А на зиму в город уезжаешь?

- Нет, все время здесь.

- А в школе ты учишься?

- Я уже закончил!

- А сколько классов?

- Одиннадцать.
- А сколько тебе лет?
- Восемнадцать.

Галина Петровна удивленно посмотрела и промолчала. Мальчик:

- А че?!
- Ниче.

Затянулась пауза. Галина Петровна молчит, а мальчик едет рядом и улыбается:

- Что, тяжело?
- Есть маленько.
- Так надо бросить!
- Куда? Жалко!
- Так вот им бросить (и указывает в сторону остальных).

На обед встали в 13.00 в начале дороги в Григорьевку, на Иссык-Куль. Там же наметили сделать заброску, проводить больных до Иссык-Куля, вернуться и пойти по намеченному маршруту.

За дровами пошел Костя. Поднялся метров на 10 по крутому склону и обнаружил засохшее дерево очень экзотичного вида. Шеф принялся рубить небольшую ветку, предварительно позвав народ на по-

мощь. Откликнулись на призыв Макс и Дима. Ю бросилась с фотоаппаратом запечатлеть сей исторический момент. Дима с Максом терзали упрямую ветку, а Костик увидал чуть выше по тропинке огромный сухой пень в половину человеческого роста, диаметром в метр. Шеф принялся выкорчевывать трухлявую половину внушительных размеров. Ю стояла ниже по тропе и наивно наблюдала за происходящим. Тут пень неожиданно отвалился и, набирая обороты, стремительно покатился прямо на Костика и Юлю. Шеф успел увернуться с криком "Убегай!", а вот Юле пришлось поработать ногами. По всем физическим законам пень должен был катиться вниз по кратчайшему пути, но он оказался упрямым - выкатившись на тропинку, он развернулся и дальше пустился вдогонку за Ю. И вот, когда она была почти достигнута, пень сжалился, свернул с тропинки и, повинаясь закону притяжения, покатился, как ему и полагалось с самого начала, вниз. Спасаясь каким-то чудом, Ю переводила дыхание, а Костик причитал: "Я же тебе кричал: убегай!"

На обед Галина Петровна и Костя принялись разбираться с грибами. Остальные посильно помогали. Во время чистки грибов Маша заинтересовалась: "А кто такой Пучкин?" (слишком часто упоминали это имя, слишком часто его цитировали и склоняли по всем падежам). Ю и остальные принялись просвещать Машу - освещать легендарную личность.

Погода потихоньку портилась. Суп с грибами удался на «5». Пока длилась трапеза, проехали с полдюжины буржуйских машин.

Заброску соорудили под камнем. По дороге встретили чабана, который предложил поменять веревку на кумыс, приговаривая:

- Кумыса будет очень много!..

Не могли найти стоянку - кругом, куда ни плюнь, пикнички да пикники, женщины, мужчины, дети... все полуголые, пляшут под музыку из машин, кушают шашлыки и громко смеются.

Стоянку найти было крайне сложно. Яблоку некуда упасть, а уж нам и подавно. Остановились у дороги передохнуть. Костик, альпинист крутой, пыл свой альпинистский усмирить не сумел - бросился на прибрежную скалку. Полез, полез, полез... тут камушек под рукой преломился и наш драгоценный шеф полете-е-е-ел. Шлепнуться как следует ему так и не удалось - помешал шиповниковый куст, но 3 метра полета сказались в десятках колючек, которые Костик долго и мучительно выковыривал. (рановато упал...-прим. пом. ред.)

Пока мы ждали, когда шеф разыщет стоянку, мимо нас проносились иномарки, из которых по пояс высывались праздные новые киргизские, показывали на нас пальцами и визжали от восторга. Одна мадама помахала Диме рукой, на что он, грубиян, показал кулак.

Чтобы поставить палатку, пришлось вернуться немного назад. Развели костер. Пока готовился ужин, Ю, Костя и Дима пошли на один камушек, очень похожий на будду. Забрались наверх, попрыгали, посидели и вернулись на стоянку. Рассказали о подвигах своих и соблазнили на этот камень Макса. Галину Петровну попросили щелкнуть снизу аппаратом.

Ю: Есть такие шизофреники, которые уверены, что они не упадут со скалы и лезут на нее без страховки, падают в шиповник, остаются целы и тут же опять лезут, уверенные, что не упадут.

Костя: Да.... это я.

Поежинали. Оказывается, съели последний сахар (остальной в заброске). На утро нас ожидала каша без сахара. Наступил момент разделения. В группу, направляющуюся в Алма-Ату, входили:

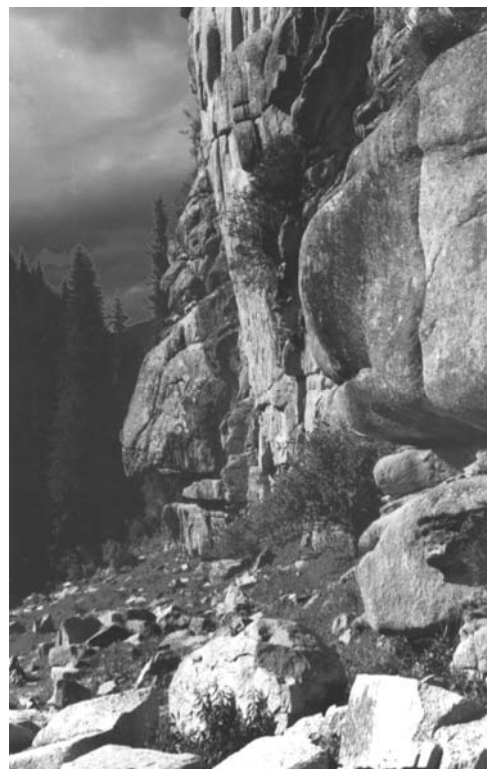
- Галина Петровна как особо уставшая, получившая впечатлений на год вперед, решившая, что на это лето приключений довольно;
- Андрей как самый нетрудоспособный, с подвернутой ногой;
- Иринка как группа поддержки Андрею (что, кстати сказать, имело очень крутые последствия, 23.11.96 - свадьба Иры и Андрея в Томске);
- Маша как уставшая от похода;
- Сергей как сопровождающий.

Остались продолжать начатое:

- Костик как руководитель,
- Дима как ремнаборщик,
- Макс как керосинщик,
- Лена как завхоз и
- Ю как летописец и медик.

Поделили и спальники: четырехместный красный спальник + двухместный - героям, идущим по маршруту (ура! будем вдоль и поперек валяться и по палатке туда-сюда кататься!), уходящим достался белый четырехместный спальник, хотя, теоретически, им он понадобится не должен был.

Так случилось, что оба медика (Г.П. и Иринка) нас покидали. Вечером они торжественно передали свои полномочия ничего не понимающей Юле. Подписали все таблетки по назначению.

Так как мы находились на территории Киргизского национального парка, то постоянный страх, что нас засекут, не покидал нас. Поэтому палатку пришлось ставить в сгущающихся сумерках. Перед сном все перетряхивали рюкзаки, размышляя о полезности каждой вещи. Бесполезные вещи оседали в багаже возвращающихся. Андрей отдал свой анатомический рюкзак и ледоруб Диме в обмен на станковый и альпеншток.

Перед сном Макс сделал себе подушку из Иринкиных вещей. Она нашла их и забрала: “Я эту подушечку на себя надену.” Макс, обиженно: “Ну вот, теперь голова запрокидывается!” Дима: “Может, это эпилепсия?”

ЧАСТЬ 2.

ДЕЙСТВИЕ 8.

О том, как нас стало вдвое меньше, как мы плутали по ельнику на крутом скользком склоне в дождь, как кувыркались в грязи, как прошли за день 20 км и набрали 1300 метров высоты и о том, как ночью на наши измученные души посягали пьяные чабаны.

25.07.96 Четверг.

Киргизский национальный парк - р. Ашу-Тер (под пер. Кугантор).

Дежурные встали в 6. К завтраку собрались в 8. Последние рукопожатия, последние объятия, последние инструкции, пожелания и напутствия...

Отдали нас покидающим 2 банки тушенки, 5 шоколадок, сала, сухарей. Позавтракали лапшой. Повсплывали неучтенки. Галина Петровна раздала всем по вафельке со зверюшками на этикетке. Маша разделила свой запасной шоколад.

Прощались в скорби и печали (за исключением Ю - она хохотала). Уходящие в Алма-Ату нам печально махали руками, а мы грозили палками и ледорубами, мол, попробуйте только вернуться!

Передали горячие приветы Пучкину. Иринка: "Мы прошли 0.5 похода за 5 дней впятером." Костя: "Вот будет в сентябре банкет, раздавать вам будем все наполовину - полбутерброда, вилки с двумя зубцами, ложки маленькие, стаканы без дна..."

Нас беспокоила еще одна небольшая деталь - на выходе из национального парка уходящим в Алма-Ату должны были предъявить счет в сомах за уборку территории, всяческие благоустройства. Денег, конечно, ни у кого из нас не водилось - ни сомов, ни тугриков, ни пфеннингов. Решили взять егерей жалостью: Андрей загнет ногу, привяжет ледоруб, хайратник спустит на один глаз, распустит тельняшку...

Последние фразы:

- Что-то вас мало!

- Вас тоже немного.

- Может быть, когда-нибудь при жизни бог даст и свидимся.

До заброски мы, Ю, Лена, Макс, Дима и Костя, дошли гораздо быстрее, несмотря на то, что вчера мы шли под горку, а сегодня поднимались по ущелью вверх. Достали из-под камня продукты, стали фасовать - что взять, что оставить. Ячку бросили лишним балластом (в дар чабанам - прим.ред.) Оказалось много масла, чеснока, сухого молока (даже слишком много!) и сухарей. Составили новое меню до 30.07.96, очень долго спорили и ругались - что выбросить еще...

С утра шел дождь. Погода ни то, ни се. Дима восторгался новым анатомическим рюкзаком:

- Анатомический рюкзак шьется на людей по фигуре, а "Ермак" на кого шьется?

- На Ермака.

Полетел пустой мешок. Кто-то из народа:

- Мешок полетел, по-ле-тел ме-шо-ок!

Костик:

- Эй, мы уже не ТОРМОЗА!!! Лови мешок!

Мешок сразу поймали.

Шеф опять с победным криком бросился на скалку. Юля запереживала, что вот сейчас по-настоящему грохнется и будем мы догонять нашу группу ушедшую. А может, соорудим ему костыль и пусть себе ковыляет в Алма-Ату один. Но Костик не

упал и мы, собравшись, пошли на н/к перевал Кек-Бель. Решили круто срезать, пошли прямо “в лоб”. Надвигался грозный сиф. Рюкзаки заметно потяжелели. Теперь палатку, спальники, веревку, снарягу, примуса, полиэтилен и прочее приходилось нести впятером.

Костик выкрикивал на ходу:

- Мы должны искоренить следы торможения! Долой тормозин! Да здравствует эра антиторможения!..

Перешли перевал, и тут Костик при нашей дружелюбной поддержке решил сократить путь, а не идти вкруговую по ущелью (стало жаль потерять высоту, к тому же спускаться и огибать этот холм по дороге долго. Туристы мы, елки-палки, или тормоза, в конце-то концов?!) И мы пошли... по дороге еще встретили чабана, клятвенно нас заверившего, что тут, недалеко, в самый раз идет тропинка и именно туда, куда нам надо. И мы, такие радостные, побежали... По склону начался лес. Идти на самый склон и потом траверсом на вершину - глупо, спускаться? - так вроде есть тропинка. А дождю не было конца. Глинистый грунт, присыпанный хвоей под ногами постоянно скользил. Мы падали один за другим, вставали и снова продирались через елки, сгущающиеся через каждые десять метров. Промокшие до нитки, заляпанные грязью, уставшие и изможденные, мы решили сделать привал и перекусить. Пробирал страшный холод, дождь лил без перерыва, тропинка не кончалась, ельник и не думал расступаться. Отчаяние подступало к горлу, оптимизм иссякал.

Пожевали сыр, сухари, выпили последнюю воду с зуккой. Это и был наш обед. Фраза: “В горах шел дождь и группа туристов.”

Чем дальше мы сидели под елью и ожидали хоть какого-нибудь просветления, чем дольше стучали зубами, тем безумнее и сумасброднее мысли закрадывались в наши больные головы. Костик: “Му-у-у-у-у, в натуре! Туристы - чабаны. Муравьи - тоже чабаны. Все чабаны! Чабаны - чабаны, ха-ха, ча - ба - ны!!!” А потом шеф начал кричать: А, У, А, У, А ...

Как нам было тогда мерзко... И мы из последних сил пытались пользоваться шворцем, разгоняли тучи и у нас получилось. Дождь вдруг перестал, выглянуло солнце и лес (о чудо!) расступился. Мы попали на поляну, сплошь усыпанную грибами и лесной земляникой. На ней попаслись минут 20 и стали спускаться к реке (довольно бурной). Мы вышли прямо к мосту (!!!) в два бревна с досточками поперек. Переходить этот “мост” было очень душещипательным занятием.

Дальше пришлось перепрыгивать и переходить вброд разливы этой реки. Мокрые, но ужасно счастливые, мы обсыхали на солнце.

Проходили мимо чабанской хижинки. Поздоровались с чабаном, спросили дорогу до реки Ашу-Тер. Он махнул рукой на дорогу вверх, сказал: “очень хорошая дорога, прямо туда, куда вам надо.”

И мы поверили. По дороге опять полил дождь... и опять безнадежно. Приходилось карабкаться по глинистой дороге очень круто вверх, ноги скользили, как по маслу и мы опять падали один за другим. А когда поднялись на холм, оказалось, что сбились с пути. И опять мы траверсировали мокрый скользкий склон, продираясь через ельник... и лил дождь.

Мокрые, злые, все-таки спустились и вышли к реке - бурной, свирепой, но такой чистой и хрустальной(называлась она Чонг-Кугантор - прим. ред.). Выглянуло солнышко. Костя принялся устраивать переправу. Обвязал веревку на поясе, перешел реку, закрепил перила и мы прошли следом. Сушиться нам шеф не позволил, и так, мол, потеряли час. Спустя 30 минут вышли к реке Ашу-Тер. Ее перешли без проблем и стали подниматься вверх, параллельно ей. Тропинка вела себя очень странно - потом мы переходили эту реку туда-сюда два раза. На том водные процедуры на сегодня закончились, но предстоял головокружительный набор высоты. Предстояло подойти под перевал и там заночевать. Но чем дальше продвигались, тем становилось круче, страшнее и безнадежнее. Мы шли практически без обеда. Костик бежал где-то впереди, Лена и Ю плелись последними. Потом у Димы оторвалась лямка андреевского рюкзака, и он с Максом остался внизу ее пришивать, заверив, что, как только дело сделают, так сразу и догонят.

Подъем нам дался с бо-ольшим трудом, с муками и элементами мазохизма. Ю от голода жевала дикий щавель и лук.

Солнце давно село, а места под палатку не было. Ползли выше, цеплялись за траву, оступались и опять ползли. Сдала Ю. Села на рюкзак и потеряла желание жить дальше (из воспоминаний Юли: позвольте оправдаться: это случилось не из зловредности какой или лени, просто силы закончи-лись. Совсем! Со мной такого никогда не было. Надеюсь, не повторится.)

Костя нашел-таки относительно ровное место. Сложил свой рюкзак и побежал за рюкзаками Лены и Ю. Последняя была не против (она была на все согласна), а Лена возмущалась и пыталась сопротивляться: "Рюкзак свой и сама дотащу", но у шефа случился бзик - ему приспичило блеснуть своим мужеством, силой и героизмом - нацепил оба рюкзака сразу и с боевым кличем забежал на стоянку.

Лена сбегала за водой. Ю не подавала признаков жизни. Макс с Димой вскоре догнали и присоединились к установке палатки. Взошла луна. Шеф расщедрился и предоставил всю курагу на поедание. К кураге в качестве "холодного" ужина выданы были изюм, сало, сыр, сухари, шоколадка и оставшиеся вафельки со зверюшками. Запивали ледяной водой. Из рта шел пар.

В четырехместный спальник залезли Ю, Лена, Дима и Костя, а Макс занял двухместный. Спали на наклонной поверхности, поэтому съехали за ночь на полметра вниз. И хоть было тесно и поворачивались по команде, но было тепло.

Наш мирный сон нарушила ночью толпа пьяных чабанов - киргизов. Проснулись от воплей:

- Эй, кто там в палатке? Русские?

Костя вылез в одних носках. Стали знакомиться:

- Я - Бек!

- А я - Костя.

Как и положено всем чабанам, стали клянчить веревку, спрашивать - куда едем, много ли продуктов, и шеф поведал им душераздирающую трагедию о том, как мы отправили одного покалеченного в Григорьевку с группой поддержки, как отдали им все деньги, веревку и продукты и вот сами теперь голодаем, но мужественно продолжаем идти по маршруту.

Чабаны были тронуты, может, даже не отсутствием денег, еды и веревки, сколько нашим героическим переходом: мы в этот день прошли 20 километров и набрали 1300 метров высоты! В глазах киргизов мы возвысились по крутости и самоотверженности и были отпущены с миром. Нас оставили в живых.

ДЕЙСТВИЕ 9.

О том, как шеф пел о том, что он олень, как ругался на всех страшными словами, как с потом и кровью взяли перевал Кугантор, как Лена бегала сушить носочки на соседний хребет и о том, как мы нашли настоящую подкову и на ночь стали вешать ее на кол в палатке.

26.07.96 Пятница.

Река Ашу-Тер - р. Кугантор

Добрый Костик позволил нам поспать подольше. На завтрак дежурные порадовали нас гречкой. С нашей стоянки как на ладони было видно озеро Иссык-Куль. Шеф выучил и распевал весь день песню "Я, северный олень, рисовал тебя палкой на снегу на краю земли."

Палатка за ночь замерзла, поэтому ее пришлось снять с кола и разложить на солнышке. А потом в холодном оцепенении мы принялись тормозить... и так до 11 часов.

Вышли чуть отдохнувшие, но не настолько, чтобы успевать за Костиком, который бежал как угорелый, то пропадал, то появлялся где-то на соседней морене и снова исчезал неизвестно куда. А когда мы все-таки находили Костю, он начинал кричать:

- Вы тормоза! Сачки! Нифига не идете! Глупые! Тропинки не видите! Не думаете нифига!...

И так далее в том же духе.

Перевал маячил где-то очень близко. Казалось, вот, сейчас взойдем на эту моренку, а там тур тут как тут... да не тут-то было. Стоило вскарабкаться наверх, а там впереди еще одна морена повыше, уж точно перевал, заползем туда, а чуть выше еще насыпь маячит и так бесконечно...

Перевал Кугантор был взят в 15.00 (с 11 до 15! Когда мы ожидали сделать одну-две ходки). Встретил он нас крайне невежливо: заволок сифом и лишь изредка рассеивал, показывал нам потрясающую панораму, а потом опять густой непроглядный сиф. Высота 3908 метров над ур. моря. Турик нашли с великим трудом. Это было сооружение из 5-10 камушков размером с кулак. В нем обнаружили шоколадку, вымоченную годами, зеленую и совершенно несъедобную.

Костик положил туда записку и мы приступили к спуску. По описаниям в книге спуск должен был проходить исключительно по морене. Снега должно быть два языка. Однако снег был повсюду - подтаявший, мокрый, зловещий.

Спуск был тяжел в начале - круто вниз, почти по вертикали мы ползли по небольшому участку крупных камней. Дальше был снежный лавиноопасный склончик, который прошли траверсом, соблюдая дистанцию 7-10 метров. А дойдя до места, где было не так круто, сели на пятые точки и с ветерком катились по снежку вниз. Вы-

шла весьма приятная разминка, только попы были мокрые. Шли по леднику. Кругом много-много ручьев и рек. Переходили одну реку, протекающую в глубокой страшной трещине по козырьку. Закаленные ужасами горного туризма, смелые, мужественные и отважные, мы проходили по хрупкому козырьку очень бодро и твердо, без страхов и других подобных проблем... может быть, мы просто НЕ ВИДЕЛИ того, что находилось под этим козырьком.

Нашли большой бараний рог (хотя, может быть, он принадлежал горному козлу, а может быть, туристу).

Спустились и оглянулись - перевал наш настолько крут - догадаться, что там вообще может быть перевал очень трудно. Даже сам Костя заявил, что не понял бы с этой стороны, куда вообще нужно идти.

- В этих условиях при обилии снега, - добавил он, - сложность такого перевала не меньше 1Б, но по карте это - 1А.

Спустились и сразу под перевалом в 16.00 начали готовить обед. Шеф валялся и с блаженной улыбкой на губах бурчал под нос: "ля ля ля ля ля - ля ля ля ля ля..." Макс раскочегаривал примуса, Лена стирала шорты (за что была высмеяна Костиком), Дима наблюдал за камнепадами, которые происходили от нас метрах в двадцати и громко, торжественно сообщал о каждом падающем камне. Ю давила сачка и царапала летопись. Костя:

- Кстати, мы пересекли хребет Кюнгей Алатоо - границу между Киргизией и Казахстаном. Так что теперь мы в Казахстане.

Мучительно тянулись минуты ожидания обеда. Голод, голод, как он нас достал! Какое счастье - простая баланда из сухой картошки, морковки, лука и пара сухариков - прекраснее и желаннее для нас тогда ничего на свете не было. [вообще-то это была уха -

прим. пом. ред.] Отъелись на неделю вперед. Пока длился обед, с нашего перевала никак не могло переползти огромное облако. Оно топталось на месте час, цепляясь за хребет, но в конце-концов таки перевалило и угрожающе двинулось на нас, а нам после всего пройденного море было по колено - к облаку отнеслись весьма равнодушно. Оно оскорбилось и ушло в сторону.

Спустились ниже на зеленку и в долине реки встали на ночь. Перед нами простирался Заилийский Алатау. Костик:

- Теперь мы опять в Казахстане. Подизелили в Киргизии и назад.

Лена взяла мокрые носки и пошла положить их на солнце. Сюрприз заключался в том, что солнце уже село за хребет, а лучи его медленно скользили по долине на противоположный склон. Вот Лена и решила сбегать на соседний хребет, носочки посушить. Через полчаса она все-таки оставила эту затею и вернулась, презрительно заметив:

- Все обманчиво, и расстояние, и солнце...

У Димы опять оторвалась лямка андреевского рюкзака, уже другая. Теперь все ставили палатку, а Дима пришивал лямку.

Костя и Макс носились вокруг палатки и орали:

- Это медуза!!! Красная медуза с одним глазом! (дырка сверху для трубы на зиму).

Дежурные Ю и Дима сварили на ужин манную кашу с изюмом и компот (тормозили два часа). Когда стемнело, Ю с господином Ковалевым занялись ночной фотосъемкой, Юля - гор и луны, а Костя - зарева от заката.

Чабаны ночью не проезжали. Лавины и камнепады не проходили. Только шум реки, рядом с которой стояла палатка, мешал Ю заснуть. Она просила кого-нибудь его выключить, но в ответ получала утешения:

- А ты представь, что это стада слоников бегают.

- Нет, они могут задавить!

- Тогда стада чабанчиков.

Днем мы нашли подкову. Таскали ее с собой, а вечером повесили на кол в палатку.

ДЕЙСТВИЕ 10.

О том, как Костик отнес Макса в спальнике в реку, как потом душил Лену полиэтиленом, как Дима топил в речке котелок, как нас чабаны перевозили на лошадях через реку Жангырык, как потом они предлагали трупы сурков и о том, как мы все сгорели на солнце.

27.07.96 Суббота.

р.Кугантор - р. Жангырык.

Будильник не прозвонил. Костя проснулся сам и стал будить Ю и Диму. Просыпаться никто особо не желал:

- Ты что, по звездам определил, что пора вставать?

- Да, именно, и по крыше палатки.

Когда завтрак был готов, началось всеобщее разбуждение. Макс был категорически против:

- Уйди, не трогай пальцами, ногами тоже не трогай, и руками, и зубами, уйди, сгинь!

Дима внес предложение:

- Его надо в мокрую палатку завернуть!

Костик устрашающе зашипел над ухом Макса:

- В мокрой палатке - голое тело нашли...

Макс в ответ всячески отбрыкивался, причитая:

- Солнце хочу! Хочу солнце! Солнце дайте!!!

Тогда шеф, не долго думая, поволок бедного страдальца Макса в спальнике прямо в реку. Макс тут же пробудился, вскочил, схватил два ледоруба и бросился за Костей. Кровавого злодеяния не произошло - пробежав десять метров, Макс замерз и запрыгал от холода.

Оставшуюся с вечера манную кашу дежурные разогрели и принесли в палатку, чтобы ее доест. Тем временем приготовилась пшенка. Костик схватил ее, спрятав к себе в спальник и не захотел никому отдавать (у нас родилась версия, что он все давно съел, а признаться стыдно).

Тем временем Дима побрел отмывать котелок от манной каши, чтобы в нем заварить чай. Тот выпал из его окоченелых рук и поплыл, поплыл... Долго бедняга бежал за ним по берегу и зачем-то кидал в него камушки. Осознав безвыходность положения, выдохнул воздух и ринулся в реку. Достал котелок и, стиснув зубы, вернулся назад, чтобы домыть его.

Попили чай и стали собирать рюкзаки. Костю настигла очередная волна агрессии:

- Лена, где мой полиэтилен, который был даден тебе вчера?! - эту фразу он повторил яростно раз 15, не давая Лене вставить и слова. На 16-ой Лена всунула ему полиэтилен: вот он!

- Это не он!!! - завопил шеф, потом пригляделся, замялся и, прошептав: "А вообще-то похож", бросился на Лену с целью удушения. Она с трудом отбилась. Тогда он вцепился в коврик, стал им размахивать над головой и что-то нечленораздельно кричать.

Возникла небольшая проблема со шхельдой - мы стояли на совершенно открытой местности. "За камушек" приходилось бежать чуть ли не за соседний хребет.

Ю начала собирать палатку - отвязала полиэтилен, отцепила веревки от камней кроме одного - большого и тяжелого. Поделилась печалью с Костей. Он ее успокоил:

- Видимо, чабаны ночью этот камень привязали как следует, чтобы мы отсюда не смогли никуда уйти. Глупые, они не понимают, что этот камень с собой можно унести! Ха-ха!

Собрались. Прошли 10 минут и потеряли Диму. Ждали его 20 минут - нет человека, пропал. Его ушла искать Лена. Уж мы переоделись по погоде (солнце) и пластырем залепились и отдохнули, а никого нет - ни Лены, ни Димы. В голову полезла всякая чепуха. Оказывается, он почему-то решил пойти по хребту траверсом, а не за нами по тропинке. Пока он спускался, Лена успела сбегать назад до стоянки и прочесать все окрестные овраги и канавы.

Наблюдали, как по противоположному склону пробегали два зверя, очень похожих на медведей с тем лишь отличием, что сзади болтались огромные хвосты. Оказывается, яки.

Спустились в долину реки Жангырык, которую нам предстояло перейти. Смотреть на нее, откровенно говоря, было просто страшно. А думать о том, что ее надо переходить, становилось невыносимым. Долго шарахались по всевозможным ледяным ручьям и притокам. И чем дальше, ниже по течению шли, тем шире и бурнее река становилась. И тут свершилось чудо. Через реку к нам подъехали три чабана на лошадях, поболтали о том, о сем и предложили нас перевезти на тот берег (!!!) Сначала предложили переправить Ю. Она до смерти перепугалась и отказалась садиться сзади на круп лошади (и правильно сделала!) Тогда предложили Косте. Он лихо вскочил со своим рюкзаком сзади на лошадь. Попытался держаться за чабана, но тому стало щекотно и он запротестовал. И только лошадь ступила в воду, сделала два шага, как наш драгоценнейший шеф медленно, но верно рухнул спиной в воду (вместе с рюкзаком, который его, собственно, и перевесил.) Выполз на берег сам. Тогда чабаны взялись за нас серьезно - перевозили сначала рюкзаки, а потом людей. Нас поразили чабанские собаки - бегали и плавали за хозяевами туда-сюда. Бросались каждый раз самоотверженно в воду, боролись с течением не на жизнь, а на смерть. И так туда-сюда несколько раз!!!

Когда нас всех перевезли на тот берег, то скромно поинтересовались, нет ли водки или веревки. Мы, к своему стыду, смогли угостить их только последними двумя плитками шоколада. Чабану же очень приглянулась Юлькина гитара, которую он долго выпрашивал. Бедная Ю старательно отмазывалась. Взяла тем, что с ней, мол, много походов пройдено, дорога как память.

Чабаны любезно предложили нам мяса только что пойманных сурков. От этого дара мы отказались. Ну подарили бы они нам пару трупиков, пару бездыханных тел и нам бы осталось их только похоронить да надгробия воздвигнуть.

Напоследок чабаны порадовали: ту реку, которая нам сегодня еще предстояла впереди, даже на лошадях перейти трудно. Печали и скорби не было конца. Мы поднялись чуть вверх по ущелью вдоль реки, нам предстоящей и встали отдохнуть. Шеф с Димой побежали на разведку. Вернулись через полчаса с кривыми усмешками. Костя ехидно изрек: "Кто перейдет эту реку сейчас - тому подарю и воздвигну возле дома Фудзияму." Дима предложил вместо Фудзиямы пудовую золотую медаль.

Было решено здесь заночевать, чтобы завтра встать в 5 утра и рискнуть[мне так ка-

жется, встать в 5 часов ночи - это уже рискнуть - прим. пом. ред.].

Пока готовился суп с грибами, Костик от избытка сухого молока решил обкушаться им раз и навсегда. Макс посчитал своим долгом присоединиться.

Солнце жарило. Целый день ни дождевки! Это было хорошим знамением. По поляне раскидали сушиться вещи. Достали коврики и сами бросились загорать. Шеф был всех румянее и БЕЛЕЕ. Разлеглись и позасыпали... так вот и обгорели. Что обидно, никто не понял той грани между загоранием и обгоранием.

Поели, поиграли на гитаре, повалялись, поизвращались. Поставили палатку, рано поужинали и легли спать засветло.

Нам предстояло переходить страшную реку, образуемую двумя - рекой Южный Иссык и рекой Юго-Восточный Талгар. Ох, не знали, не знали, что нас ждет...

ДЕЙСТВИЕ 11.

О том, как в 5 утра заиграла музыка на Костиных часах и начался самый свирепый, самый ожесточенный, самый героический день похода.

28.07.96 Воскресение.

Р. Жангырык - лед. Корженевского (под пер. Кок-Булак).

Заиграла музыка на Костиных часах. Шеф был не в духе. Видимо, предчувствовал...

- Вставайте! Не тормозите! Быстрей...

Потихоньку, в сомнамбулическом трансе выползаем из спальников. 5 утра. Темнота. Дима зажигает свечу. Все по одному в палатке собирают свои рюкзаки. Шеф сдерживает палатку. Быстро собираемся и без завтрака по зверскому холоду двигаемся, как предрассветные призраки.

Предварительная разведка показала: брода нет, глубина примерно по пояс, течение - кинь камень, и через две секунды его сносит на 20 метров. Было решено вернуться назад и переходить Жангырык, чтобы дальше двинуться домой по этой долине, так и не пройдя маршрут. Но до деревни Чилик, куда нам следовало попасть, было 100 километров. Еще была идея - сократить путь через пер. Аманжол и попасть в деревню Тургень. Но в любом случае нам предстояло переходить назад вчерашнюю реку.

Вышли в долину, и тут шеф решил рискнуть - перейти все-таки Южный Иссык + Юго-Восточный Талгар там, где они разлились на сотни рукавов. И начался долгий часовой изнурительный брод. Переходили один ручей за другим. Вышло солнце и это согрело наши сердца и отчасти тела, но только не ноги. Наши ноги... (боже!) с каждой секундой деревенели, скукоживались, стягивались, скручивались судорогами и переставали ощущать жестокую действительность. Роковую роль сыграло наше обгорание на солнце вчера. Мало того, что было очень больно ночью спать - кожа горела - так теперь, когда ноги погружались в ледяную воду, создавалось полное ощущение сдирания кожи заживо.

Мы шарахались посередине этой коварной реки в плену ста рукавов и не могли найти брод. Перешли один крутой рукав Южного Иссыка с веревкой маятником, блеснув "сообразительностью": Костя перешел первым и Дима стал перекидывать на другой берег ледорубы, а Костя палочки. Один ледоруб и палочку докинули, остальные унесло. Река пожелала получить от нас дар, жертву... хотя можно было ледоруб привязать к рюкзаку.

Пока мы возились со страховками, умный Макс махнул на всех рукой и пошел без страховки. А Костик с берега надрывался: "Остановись! Я за твою жизнь не отвечаю!!!" Но это не поколебало решимости Макса. Он хладнокровно прошел реку и даже остался жив.

Последний рукав перейти не могли очень долго. С великим трудом нашли брод - перешли маятником и быстро бросились растирать давно посиневшие и почти отсохшие ноги. Только шеф презрительно кинул:

- Мне все равно, мне не холодно. И этому ребячеству (растиранию ног, высушиванию носков) я не подвержен.

Шеф обещал, что как только перейдем через реку, так сразу поедем. Но надежды таяли с каждым метром

продвижения - чистой воды нигде не было. Мы продвигались вверх по ущелью в поисках воды и через 40 минут нашли.

Господин Ковалев собственноручно приготовил нам манную кашу. Поели, остатки пришлось выкинуть. Собрали рюкзаки и очень быстро стартовали. Предстояло подойти под перевал Кок-Булак. Состояние наше было отнюдь не превосходным. Костя переживал, что мы много не пройдем, а в Алма-Ате надо было быть 30.07, так как на 31 Макс и Диме должны были купить билеты в Томск. Тот факт, что мы перешли это реку, еще далеко не решал нашей судьбы. Мы продвигались вверх вдоль реки Южный Иссык. Вот она-то и повеселилась над нами, измотанными и задержанными туристами.

Шли по левому берегу по тропе. Тут она оборвалась и начался крутой сыпучий склон - прижим. Внизу бурлит и неистовствует река. Оступись, покатишься - и прямая дорога в рай (ад). Прошли мы его с героическим упорством. Шеф со слезами на глазах нас похвалил. Но то была присказка, а сказка ожидала впереди.

Прошли по долине и зачем-то полезли на гору (зачем так и не осознали). На спуске был сюрприз - склон весь зарос колючками метровой высоты. После обгорания, закалывания ледяной водой мы подверглись иглоукаливанию, при этом большинство игл оставалось в нас и их приходилось выдергивать. Эта пытка длилась около получаса.

Два с половиной часа шарахались по морене, опять у самой бурлящей реки. Ю словила жуткий глюк: когда проходили по камням, находящимся почти в реке, она прыгнула метра на полтора на большой валун. И вдруг во время этого полета видит, как тот единственный камень, куда она летит, уходит под воду. Назад дороги нет, волосы дыбом, мурашки по коже... Великая радость постигла Ю, когда ее ноги ударились о твердое - валун оказался на месте. Но, впрочем, было бы куда хуже, если бы глюк случился наоборот: камень увидела - прыг! - а его там нет...

Прошли 7- 8 километров и встали на обед. Солнце жарит беспощадно, все прячутся как могут, а Лена, оказывается, не сгорела и теперь она загорает в полный рост. Ю где-то посеяла перчатку - перетряхивает весь рюкзак, плюется и расстраивается. Лена на вынесла ее страданий, отдала свои перчатки.

Костя кидает морковку в суп и поет:

- Пу-че-че-че-кин, Пу-че-че-че-кин, Пу-че-кин, Пу-че-кин, Пу-че-че-че-кин...

Поели и веселые такие, радостные, пошли. Нас ожидал ледник Корженевского. Опять брели по морене, а потом стали подниматься по леднику, покрытому мелкой сыпухой. Лед подтаял, текли ручьи, под ногами все ехало. Мы отчаянно барахтались минут 30, пока, вконец измученные, не доползли до чистого льда. Чтобы на него попасть, необходимо было перепрыгнуть промоину, в которой бурлил поток и

приземлиться на крутой ледовый склон, сразу зарубиться, чтобы прямоком не скатиться в воду, несущуюся по ледовому руслу вниз. Обошлось без трупов. Дальше предстояло пройти склон под 45° (без кошек!) пользуясь подручными средствами - палочками, ногтями, зубами... именно так

мы и проходили эти 3 - 5 метров (на склоне были поперечные канавки, как рифление, благодаря которым мы без особых проблем и залезли - прим.ред.) Вышли на более - менее ровный склон, где можно было стоять и колени не тряслись, стали свидетелями неопишуемой красоты - ледниковых гор. Пофотографировались и двинули по лед. Корженевского. Это - стихия. Заворажи-

вающая, коварная и жестокая, приковывающая к себе и взоры, и мысли, и самые бурные восторги души... и вместе с тем готовая стереть с лица земли как песчинку, чуждую здесь, жалкую и беззащитную. Но стоит, стоит обгорать на солнце, проходить немыслимые броды, шарахаться по колючкам, карабкаться по сыпучкам, чтобы на миг обнять эту стихию всем сердцем, всей душой, пусть коварную, пусть жестокую...

Мы шли 3 - 4 километра. Миновали реку, пройдя по козырьку и вышли на морену. Тут препятствия продолжились. Дело было уже к вечеру, солнце садилось, на нас надвигались грозовые тучи. Тормозить нам было крайне нежелательно. С ледника на перевал выбраться нужно было во что бы то ни стало. Он маячил нам многообещающей зеленкой и терраской под палатку. А ноги подкашивались от усталости. Мы все надеялись быть на месте через часок - ставить палатку, готовить ужин... не тут-то было. Ледник Корженевского не хотел нас отпускать. Мы метались по морене. Повсюду лед, присыпанный камнями, весь изрезанный трещинами с ручьями и потоками. И мы бродили, уже почти без надежды, по холмам туда-сюда и не могли найти выход. А тут неожиданно наш путь преградила река без намеков на брод. Это еще более усугубило наше положение. Шеф (герой наш драгоценный) бросил рюкзак и после двадцатиминутной разведки все-таки нашел через реку очень хилый ледяной мостик. Надо было спуститься на камень (не проехать мимо, прямо в реку), изловчиться и перепрыгнуть на этот мостик. Так и переправились и, угрюмые, стали искать место перехода через рантклюфт. Резкий обрыв крушил наши мечты о скорой стоянке. И дождь вот-вот войдет, и солнце почти село, и не было больше никаких сил... Шеф нашел выход (все просто скатились на задку по крутому склону - прим.ред.) Как мы были ему признательны! С последними силами перешли реку и поднялись по морене под перевал на зеленку.

Высота 4000 метров над уровнем моря. Макс никак не хотел снимать рюкзак. Носился с ним исступленно по поляне и не реагировал на уговоры никак. Потом набегался, напрыгался и все-таки снял. Пока ставили палатку, Макс с Леной занялись дежурством. Делали это они очень самоотверженно. Лена перемыла в ледяной воде все сухофрукты для компота, каждый по отдельности (!), а Макс такой фейрверк на радостях устроил! Накалил примуса и стал в них доливать бензин, старательно его перед этим расплескав. Все, конечно, сразу вспыхнуло - примуса, трава, Макс... а он еще бутылку с бензином в руках держит, когда у самого рукава горят, стоит такой счастливый и ждет, когда бутылка рванет. Она не оправдала его надежд, тогда он начал тушить землю (?!) с догорающими рукавами.

Лена от высоты плохо себя чувствовала. Но ужин забацала обалденный: лапша с сыром с чесноком и горячий компот!!! Укладываясь спать, Костик, беспокоясь за безмятежность своего сна, Лену предупредил:

- Если ночью плохо станет, ты громко со скрипом не дыши. Лучше потихоньку, а то разбудишь кого-нибудь еще...

Легли и Лена (специально) громко задышала - протяжно, со скрипом. Все истерически захохотали. Когда она смолкла, народ запереживал - жива ли? Костя решил потрогать пульс - схватил железной хваткой за горло. Она вскричала:

- Жива! А что к утру будет?

ДЕЙСТВИЕ 12.

О том, как мы отоспались и отъелись, как сняли на перевале Кок-Булак записку от Вуколова, как гордо отказались от предложенного вертолета, как спустились по морене 3 часа и о том, как разработали теорию подкаменных егерьей.

29.07.96 Понедельник.

Пер. Кок-Булак - р. Жарсай.

Отоспались до потери пульса. Радостные и довольные, поели. Костя веселился, песни орал, обещал всем с плеч задницы снести. В 10.00 вышли и минут через сорок были на перевале. Удивительный перевал - ровная пашня, будто только что вспахали. В туре нашли крутейшую записку:

“ 13ч. 45мин. 95г. 26авг.

Немецкая трекинговая группа в составе 11 клиентов МАЛ “Хан-Тенгри” под руководством гида Вуколова В.Н. в сопровождении бригады в 19 человек под руководством Ошкукова В.Н. вышла на пер. Кок-Булак (1А к.с.) со стороны лед. Корженевского. Погода отличная, состояние группы нормальное. Сняли записку алма-атинских туристов под руководством Д.Супонникова от 11авг. 95г. Начинаем спуск в долину р.Иссык. “

Рядом с туром валялись разломанные деревянные ящики. Нашли немецкую книгу (что-то о дорогах и путешествиях автостопом). Макс подарил ее себе, заявив, что будет ее переводить. Пофотографировались, Костя написал записку, положил в тур.

Набрали снега и забацали мороженое из сгущенки и изюма в честь последнего перевала. А потом пошли спускаться - сначала по леднику, а потом около часа по морене. Вышли к реке. На другой её стороне стоит домик селивиков. Нас увидели и побежали навстречу двое мужиков. Бегут и руками машут, оказывается, на мостик показывают. Перешли мы этот мост, встретились с селивиками. Те, все заросшие, пригласили нас пить чай, а завтра обещали усадить на вертолет, который им сюда еду возит. Но наш упрямый и противный шеф отказался - мол, спешим, опаздываем, надо бежать. И мы печальные и с растревоженными сердцами пошли дальше, на озеро Акколь. Вокруг жуткая морена, но "ягодки" нас ждали впереди. Сначала пришлось подниматься по огромным валунам, а потом 3 часа (!!!) спускаться серпантинном по этой морене. На озере Бозколь мы надеялись встретить воду, но оно оказалось грязным болотцем. И Костя сказал, как найдем воду - сразу встаем. Пошли по долине, где из-под нашей морены вырывалась река и распадалась на множество рукавов. Их мы пересекали один за другим и попали в лес (который был столь густ и нехожен, что порой приходилось на брюхе проползать под поваленными стволами - прим.ред.) И еще полтора часа мы брели по еле заметной тропе и все искали воду. В 18 часов мы таки ее нашли в ивняке, среди сотен мошек. Места почти не было - такие густые заросли. Там упали и пообедали. Солнце быстро ушло за хребет. Мош-кара зверела. Шеф нервничал:

- Тормоза, ешьте быстрее...

Собрались быстро и, полные сил и мужества, бросились вперед. Пробежали две минуты и нашли отличное место под ночевку. На ужин решили сделать только чай с травкой.

Костя развивал теорию о подкаменных егерях:

- рост 30 см, глаза красные, ружья черные;
- живут под камнями, под маленьким камнем - маленький подкаменный егерь, под большим - большой;
- на голое тело их пришиты петлички и фуражка - так вырастает генетически;

- всех подкаменных егерей зовут Генами;
- разума ни на грош;
- живут тем, что все к себе под камень тянут (преимущественно ночью);
- обитают в заповедниках. Здесь - горные казахские подкаменные егеря.

Есть подкаменные чабаны:

- промышляют в основном веревкой;
- так как в рюкзаках туристов веревка присыпается сухим молоком и сахарной крошкой, егеря и чабаны любят эту веревку жевать и обсасывать (с этой целью они ее и тащат);
- имеют подкаменных лошадей;
- Бек, встреченный нами тогда ночью под пер.Кугантор - яркий представитель подкаменных чабанов.

Есть подводные подкаменные туристы:

- промышляют ледорубами;
- раньше были обычными горными туристами, пока не утонули.

Ночью Дима проснулся и принялся уплетать сухое молоко. Поел и уснул снова. Утром следы преступления были налицо - ложка, вся в молоке, лежала рядом с головой.

Лена весь вечер грозила купить в Алма-Ате двухлитровую бутылку газировки, на что Дима заметил:

- Лучше покупай сразу двухметровую - там газировки больше.

ДЕЙСТВИЕ 13, и последнее.
О том, как мы возвращались домой.

30.07.96 Вторник.
Р. Жарсай - Алма-Ата.

Встали в 6 часов утра. Позавтракали гречкой, сваренной еще вечером. Сахар последний был съеден вчера, поэтому в чай кидали витаминки-аскорбинки, добавляли для прыти 5-10 капель золотого корня, засыпали сухим молоком и пили эту бурду вприкуску с сухарями.

Вышли в 7.30. Сегодня мы должны были быть дома во что бы то ни стало. Костя неся как угорелый впереди всех. Успевать за ним было занятием очень непростым. После 30 минут бега по бурелому мы выскочили к обрыву, на дне которого текла река. Склон был высотой метров 15 - 20. Спускались по веревке - одевали системы и на лепестке съезжали вниз. Рюкзаки спускал Костя последними, а потом съехал сам и стал выбирать веревку. Оказалось, забыл развязать один узел на самосбросе. Макс - герой слазил и развязал.

Наш путь преградила река Жарсай. Шеф стал устраивать переправу. Втроем с Димой и Максом подтащили огромное дерево. Костя без страховки прошел на островок посередине реки. Туда ему осторожно передали дерево. Костик уложил его конец меж камней и стал разглядывать тот берег, намечая дальнейший план действий. Между делом Макс, добрый друг Макс, решил воспользоваться моментом - схватил это бревно за другой конец и подкатил его прямо на ногу господину Ковалеву. У того глаза на лоб полезли, искорки посыпались. Стоит, только рот раскрывает и отчаянно жестикулирует. Тут народ понял фокус и дерево откатали, а Костик еще долго издавал шипяще-рычащие звуки и махал кулаками.

Перешли реку по бревну и тут сработал механизм - лезть вверх и Костя опять погнал всех наверх, в лес. Вскарabкались по глинисто-земляному склону и погрузились в дебри бурелома. Но недолго же он длился. Спустя минут 15 вышли опять к оврагу, снова спустились и пошли вдоль реки (сразу пойти вдоль реки не могли, что-ли?!) Шли без тропы по сыпухам и через час встретили живых туристов из Питера. Они в это время переходили нашу реку, причем у одной женщины в рюкзаке сверху сидела девочка полутора лет, вся потная и замученная.

сидела девочка полутора лет, вся потная и замученная.

Оказывается, мы зря переходили реку, тропинка была на другой стороне. Прошли пять шагов и наткнулись на жилище селевика - большой бревенчатый дом, а рядом палатка, набитая всевозможными приборами. Кош-Али, наш благодетель, пригласил к столу попить чая. Не было сил устоять! Побросали рюкзаки и бросились к не-

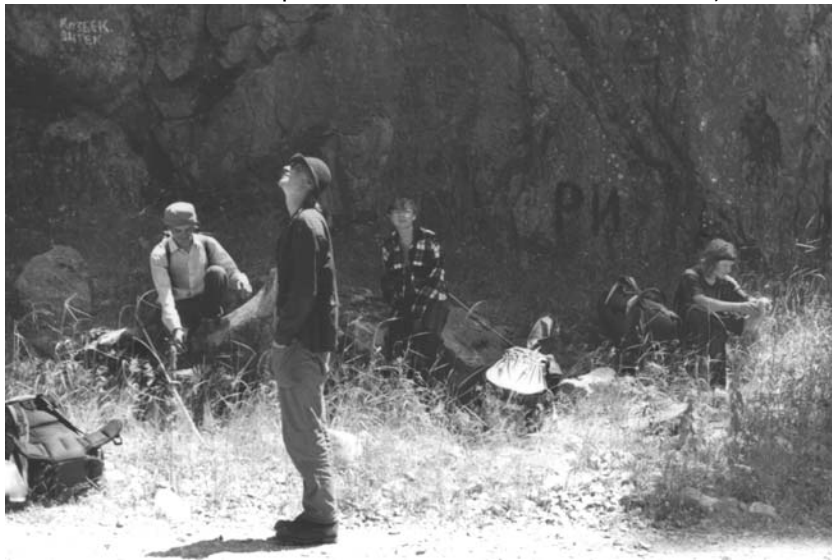
му под навес. Заняли лавки и тут на столе появилась сковорода с рожками (!), миска с сахаром (!!) и настоящий свежий хлеб (!!!), чуть засохший и чай на травах.

Но когда народ увидел миску с сахаром, горы потряс дикий дружный вопль восторга. Кош-Али умилился. Пока мы уминали его месячные запасы, селевик разговаривался “за жисть”. Он - кавказец, яблоками торгует, иногда вот подрабатывает здесь. Говорил обо всем - о горах, о работе, о политике, о погоде... оказался очень душевным и внимательным. Постоянно нас жалел, предлагал денег (!).

На прощание мы оставили ему кучу лишних продуктов и кое-что из аптечки. Вместе сфотографировались, обменялись адресами. Он пообещал, что привезет яблоки. Показал нам тропу, проводил и очень долго махал рукой.

Кстати, Кош-Али сообщил, что там, где мы прошли 18 - 19 июля, 25.07 сходили большие сели. А по тому леднику, где мы шли сначала (лед. Аксу), раньше было много трещин и каждый год там гибло по 2 - 3 человека.

Мы неслись сломя голову по моренам, мимо озерка, а потом полчаса бежали по лесной землянике. Мы спешили, так сказать, и “не было никому дела” до полян, сплошь усыпанных ягодами. Они расплывались под вибрами красными следами и блестели на солнце капельками выжатого сока, а мы бежали...

Первым следом настоящей цивилизации был двухэтажный особнячок с трубопроводом и радушными хозяевами, застигнутыми за пикником. Нас пригласили попить чай, но шеф гордо отказался. Тогда нам показали тропинку, уже протоптанную не одной парой дамских туфель и лакированных ботинок. Через семь минут мы лицезрели забавное сооружение - нагромождение железобетона в загадочном порядке - селеза-

щитную дамбу. Дальше шла самая настоящая грунтовая дорога. Стена с надписями “Здесь был Вася”, “Рашид+Зульфия=Любовь”, “Сеня - дурак” и т.д. расположилась здесь как обязательный атрибут зарождающейся цивилизации.

Было очень в лом топтать по дороге, где, собственно говоря, можно и на машине неплохо доехать. Начались приколы местного масштаба. Макс сошел на обочину и пошел по тропинке. Все выстроились за ним с криками:

- Ура! Макс нашел тропу! Смотри, не потеряй!

Тропинка вышла на насыпь из щебня:

- Начались морены! Будьте осторожны! Есть опасность схода селя!

Случилась через дорогу канавка:

- Ребята! Трещина! Все одеваем системы, идем в связках!

И так далее.

Вышли в озеро Иссык - небольшая лужа. Раньше это было сногшибательная курортная зона, огромное озеро с небесной водой... в 62г. сошел сель - все снес, похоронил сотни людей... Мы стали свидетелями того, что осталось от озера. На другом берегу купались “крутые”, рядом блистали иномарки.

Миновали железобетонную плотину и удрученно побрели по асфальтированной серпантинной дороге. Как это было мучительно! Нас одна за другой обгоняли

“Тойоты”, “Мерседесы”, иногда “Волги”. Тут мы, впрочем, как и везде, были в диковинку. Ю никак не могла выровнять темп движения: если шла, то очень сильно отставала, начинала бежать - всех обгоняла. Так и передвигалась. То ползет в конце, то пронесется как паровоз со звуками “чух-чух-чух” и где-нибудь за поворотом замрет с фотоаппаратом.

Пожалуй, самым занудным, самым мучительным в походе была вторая половина последнего дня - когда приходилось идти по обычной человеческой асфальтовой дороге.

А видок у нас был впечатляющий - мы не мылись уже две недели, а Костик и не чесался, все грязные, в копоты, обветренные, с высыпавшей по лицам простудой, со слипшимися патлами вместо волос, с длинными грязными ногтями, с перебитыми ногами, обгоревшие, тяжело и хрипло дышащие...

Когда началась деревня, по сторонам появились дома, мы стали главным всеобщим зрелищем (странно, рядом горы, а туристов почти нет). По дороге обьелись дикого урюка, раскиданного прямо на асфальте.

И вот первый автобус! Первая кондукторша и первые контакты с цивилизацией. Нас засыпали всевозможными вопросами. Местные жители, пассажиры автобуса, проявляли к нам повышенный интерес.

Большим достоинством нашей группы было разнорегионное ее происхождение: есть из Омска, есть из Томска, есть из Красноярска (?), а особый упор делался на Макса из НОРИЛЬСКА. Этот факт сражал всех сразу. В конечном счете наш дорогой Макс перестал смущаться, совсем возгордился и при любой возможности бил себя в грудь (пяткой) и сообщал, откуда он родом.

А кондукторша все неунималась. Помявшись и пару раз извинившись, она не удержалась и задала самый волнующий вопрос:

- Вот вас, ребята, пять человек. Две девушки и три парня!!! Не попарно, один мальчик лишний. Странно, очень странно, И КАК ЖЕ ЭТО у вас получалось?! На слове “это” было сделано ударение, далее следовал загадочный взгляд, жаждущий правды и только правды.

Такого поворота событий никто из нас не ожидал. Но шеф нашел что ответить:

- А нас сначала было 10. Как раз попарно. А потом пятеро заболели: пришлось домой отправить. Что поделаешь?!

Кондукторша ответом осталась удовлетворена.

Доехали до автостанции. Там купили билеты до Алма-Аты. В кассе нами, конечно, заинтересовались. Костик опять поведал о нашем междугороднем происхождении, упомянул Норильск. Кассирша даже ахнула. А Макс невзначай уронил:

- Да, да, это я, я из Норильска!

Лена исполнила желание - купила всем газировки. Заняли пол-автобуса и, пока он стоял, Ю сбегала, набрала воды из колонки и купила сухой апельсиновый сок “Сприм”. Посовещались и решили, что одной бутылки будет маловато. Дима схватил другую и тоже отправился ее наполнять. То ли он киоскеру приглянулся, то ли на

жалость пробил, но тот стал бесплатно заполнять бутылку газированной водой. В это время автобус собрался ехать. Удерживали его с трудом, махали и кричали Димке в форточку, чтоб торопился. А он прыгал у киоска и не хотел уходить, пока бутылку не нальют полностью. Еле-еле успел.

Ехали с ветерком, распивали сладкую газировку. По привычке расселись по дежурным парам: Лена - Макс, Юля - Дима, а Костик обособленно. Впереди сидели две красоти, расфуфыренные девицы с развевающимися волосами. Лена не выдержала:

- Я не могу смотреть на эти чистые головы!

Ю:

- А ты плюнь на них, полей газировки и оботри руки...

Видимо, несчастные девочки все это слышали - беспокойно заерзали в креслах, с опасением стали оглядываться.

Перед большим городом решили приодеться - посдирали на руках и ногах грязные пластыри и стали залепляться новыми, чистыми. Дима никак не мог надеть носки: автобус трясся и нога никак не попадала в цель.

В славном граде Алма-Ате по автобусам от нас откровенно шарахались, чистюли пренебрежительно фыркали, а люди "с искоркой в глазах" обо всем расспрашивали. А в основном глядели, не отрываясь, во все глаза.

Дома первым делом, после бурных встреч и жарких объятий, построились в очередь в ванную. А потом ели, ели, ели, ели...

ЭПИЛОГ.

Трогательной была встреча только что вернувшихся и сошедших в середине маршрута. Их к тому времени в Алма-Ате осталось немного - Иринка да Андрей. Остальные давно отбыли домой. Такие чистые, такие свежие, они трогательно умилялись [и зажимали себе носы] грязной, ободранной толпе с рюкзаками, шумно толкающейся в коридоре.

Да, к 30 июля мы, как и обещали, как и хотели, были дома. А могли особо не торопиться, т.к. билеты томичам были куплены не на 31.07, а на 1.08. Результаты наших бегов в последний день были весьма печальны. У Юли вспухли голеностопы и ступни (растяжение). Первый день она передвигалась, хромая на обе ноги, а потом потеряла вообще способность передвигаться - отлеживалась дома у Пучкина, всевозможными способами боролась с опухольями, храня надежду пойти в "троечку". Мечта эта осуществилась на пятый день интенсивного лечения - она все-таки ушла с Алексеем Васильевичем в "тройку" на все тот же Заилийский.

Костя зализывал раны дома. Нога, на которую Макс любезно положил бревно, долго не заживала, портила ровную и гордую начальственную походку.

Дима ковылял не лучше Ю и Кости. Он умудрился неудачно поскользнуться и удариться о камень ногой и одновременно ее подвернуть. Так, частично хромой и уехал в Томск, где на станции по пути домой еще сумел и проткнуть ногу чем-то.

Макс, в отличие от большинства ходил по земле твердо на обе ноги. Когда он отмылся, отскребся, стал похож на человека. О тяжелой судьбе его свидетельствовала только простуда на губах. Уехал вместе с Андреем и Иринкой на Волгу первого августа.

Лена вошла в меньшинство прочно стоящих на обеих ногах. Она, пожалуй, сохранилась лучше и свежее всех остальных. Как ни в чем не бывало разъезжала по Алма-Ате, посещала местные городские достопримечательности.

ПОСТСКРИПТУМ.

О том, как Иринка, Андрей, Галина Петровна, Сергей и Маша возвращались домой.

25.07.96 - ...

Деревня Григорьевка - Алма-Ата.

[Из записок Галины Петровны]

Вышли в 9.10. Сфотографировались у водопада, повязали веревочки на дерево у дороги, загадав желания. Прошли григорьевское лесничество, заранее обдумав план, как не дать денег, если с нас их захотят взять. Встретили мальчика “восемнадцати лет”. Он обрадовался, увидев нас, замахал рукой. Мы поприветствовали друг друга.

Сергей тормознул “Волгу” и мы попросили подвезти нас, заранее предупредив, что нам нечем с ним рассчитаться. Мужчина оказался добрым. Два рюкзака мы положили в багажник, вчетвером сели на заднее сидение с двумя рюкзаками, Сережа с рюкзаком - на переднее сидение. По дороге немного поговорили о красоте гор. В Григорьевке мужчина нас высадил на автобусной остановке. Шикарный автобус до Бишкека нам оказался не по карману (250.000), а дешевле нас не захотели везти. Фургон, который остановил Сергей, тоже нас не взял по причине своей герметичности, а дырки ковырять, чтоб нам было чем дышать, шофер не захотел. Сергей сходил в обменный пункт и наменял немного сомов. Минут через 20 на микроавтобусе мы доехали до Чолпон-Ата за 30 сомов. Вдоль дороги стояло много юрт - кафе, около которых стояли столики, кое-где были развешаны ковры. Вокруг огромными холмами синели горы. Народ в автобусе был доброжелательный, спокойный. Когда проезжали мимо кладбища, люди, глядя на него, делали ритуальные движения руками около лица - признак почитания предков. Проезжали совсем рядом с озером Иссык-Куль и в наших душах стало зарождаться желание искупаться в нем. Дойдя до автовокзала, мы сделали слабую попытку уехать в Алма-Ату или в Бишкек. Сориентировавшись в ценах и курсе валюты и во всей обстановке, убедившись в возможности свободно уехать отсюда, мы решили тормознуть на полную катушку. Перекусили килограммом персиков, пополнили наши съестные запасы булкой хлеба и лепешками, мы направились к озеру. А над горами ходили черные тучи и сердца наши кровью обливались, когда мы представляли, как наши товарищи, совершенно обесшоренные, с тяжеленными рюкзаками прут под дождем в гору. По пленке, укрывающей их, по их лицам текут струи воды. Но ничто и никто уже не может удержать их, остановить. А мы тем временем доползли до берега озера и были потрясены его красотой и безграничностью.

Переодевшись в зарослях колючей облепихи, первой в бурлящие воды Иссык-Куля бросилась Маша. Искупавшись и согревшись в горячем песке, мы пообедали и позволили себе тормозить кто как хочет. Кто спал, кто гулял. Иринка с Андреем купались, загорали, Маша с Сергеем знакомилась с окрестностями, посетили местный базар, где купили черешню и огромную дыню. Галина Петровна, недовольная своей несвежей прической, помыла свою голову в славном озере, отчего ее волосы скатались в совершенно нерасчесываемую паклю, которую пришлось спрятать под шапочкой. По берегу бродили два верблюда, вдалеке на пляже лежали или весело гуляли людишки и стояла безмятежная тишина, словно время остановилось. Иногда накрапывал дождик, и светило солнце. А на горизонте у поверхности воды появился прямоугольный отрезок радуги. Стало смеркаться и надо было где-то искать ночлег. Разведчики отыскивали заброшенную будку от канатной дороги. Это такое металличе-

ское сооружение, просвечиваемое насквозь и продуваемое всеми ветрами. Спать можно было внизу, под деревянным настилом, или наверху. Посоветавшись, прячась от случайных прохожих, крадучись забрались наверх и осторожно, чтобы не свалиться вниз в ямы, улеглись спать на небольшом пятачке. Утром нас разбудило яркое солнышко. И опять кругом стояла такая тишина и спокойствие, что ребятам опять никуда не хотелось идти. Позавтракали тушенкой с хлебом и проводили Галину Петровну до вокзала.

Действие происходит на квартире Ковалевых. Действующие лица: Людмила Петровна (мама Кости) и Галина Петровна. Кушают, пьют чай, ведут беседу. Звонок в дверь. Людмила Петровна встает и идет к двери со словами: “Я еще подумаю, открывать или не открывать. Может быть, это попрошайки, они часто ходят тут в последнее время”. Посмотрев в глазок, возвращается. Сидят, снова пьют чай. Звонок. Людмила Петровна опять встает и повторяет: “Нет, я еще посмотрю”. Дверь открывает, а там стоят наши бедненькие Андрей, Ира, Сергей и Маша, и на лицах у них написано: ну вот, что хотите, то и делайте, а это мы, и некуда нам подеваться. Через день Галина Петровна уехала в Омск, Ира с Андреем поехали с Людмилой Петровной на дачу помогать есть черешню. Машенька осталась дома на больничном.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРИКОЛЫ ПОХОДА

- ⌚ Коронная фраза :“По тормозам!”
- ⌚ На протяжении всего похода встречали по одному разодранному старому башмаку.
- ⌚ Всю дорогу тащили с собой большую железную подкову. На ночь вешали ее на кол в палатке.
- ⌚ Объедались в последние дни сухим молоком - ели ложками всухомятку и с чаем, и с супом, и с сухарями, и днем, и ночью.
- ⌚ “В цырке все смеются: зрители смеются, клоуны смеются, звери - тоже смешно”
(Кузя Уо “В цырке”)
“В горах все смеются: туристы смеются, сурки смеются, чабаны - тоже смешно”
“В спальнике все смеются: головы смеются, животы смеются, ноги - тоже смешно”
“В горах все тормозят: туристы тормозят, коровы тормозят, чабаны - тоже тормоза”
“В горах все чабаны: туристы - чабаны, лошади - чабаны, чабаны - тоже чабаны”
- ⌚ Транквилизаторы: апизатрон(чик), траксивазин(чик).

ГОРТУРДУРФОЛЬКЛЕР

- ⌚ Поговорка (Костина): Один съеденный сухарь лучше двух несъеденных.
- ⌚ Дима: “Я торможу...
К чему ломиться?
Не будет снег
С небес валиться.
Я не усну...
К чему стараться?
Я буду плакать
И смеяться.